

crime & private

Анна
Данилова
Роспись по телу

Анна Данилова
Роспись по телу
Серия «Детектив Юлия
Земцова», книга 7

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=183876*

*Роспись по телу: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-34270-9*

Аннотация

Список жертв Бахраха рос. Катя Уткина, Марина Смирнова, хирург по прозвищу Гамлет... Кто следующий? Дело об убийствах, которое расследовала владелица сыскного агентства Юлия Земцова, обрастало все новыми и новыми подробностями. Но покойный Бахрах оставил и тоненькую ниточку, потянув за которую можно было попытаться разобраться во всей этой путанице. И ниточка эта вела в стрип-бар «Черная лангуста». Именно там работала девушка, чье тело, как и тела покойных Кати и Марины, было обезображено странным шрамом...

Содержание

Глава 1	5
1. Визит дамы	6
2. Ссора	11
3. Торт с арахисом	19
4. Холодное пиво	26
5. Утреннее предложение	31
6. Девушка из Константиновки	40
Глава 2	50
7. Москва, Гел	50
8. Разгромленная квартира	55
9. Белые лилии	61
10. Шоколадный вариант	68
11. Сон	78
Глава 3	88
12. Человек с рыбьими глазами	88
13. Скарификация	103
Глава 4	116
14. Фанфары, звучащие в голове гел	116
15. Желтый конверт	129
16. Ночной звонок	137
Конец ознакомительного фрагмента.	143

Анна Данилова

Роспись по телу

Дорогой читатель Лигес!

Много счастья, мира и
здоровья! А мне - любви -
то самое лучшее в жизни!

Учитайте, познавайте и
используйте удовольствие от
жизни! И творите сами!

Анке Ванина (франц)

Глава 1

«Привет! Ты удивлен? Ты думал, что раз я умер, то ты никогда больше не увидишь и не услышишь меня? Значит, ты ничего не знаешь о жизни и смерти. А я вот всегда знал, что жизнь существует и после смерти. Пусть это будет только мой образ и мой голос, но все равно это я. А тот факт, что ты сейчас видишь и слышишь меня, лишний раз доказывает, что я продолжаю жить, что я продолжаю некоторым образом руководить твоими поступками, то есть являюсь частицей твоей жизни... Тебе не кажется, что я заметно побледнел? С мертвецами такое часто случается. Но, признаться честно, я немного волнуюсь. А тебя сейчас наверняка бросило в пот, тебе не по себе, и ты не знаешь, зачем я вообще все это придумал. Мне понятны твои чувства – смущение, раздражение, досада и вместе с тем радость, не сравнимая ни с какими другими радостями жизни. Не так ли? Постарайся пережить их, ведь завтра для тебя начнется совершенно новая жизнь, и все это... благодаря мне, моему отчаянию, моему легкомыслию, моей гибкости, злости, наконец... Посмотри мне в глаза. Вот так. Жаль, очень жаль, что ты не увидел в них свое собственное отражение. А я так на это надеялся...»

1. Визит дамы

– Моя фамилия Хмара, зовут Лариса, можно без отчества... Моего сына арестовали. Он подозревается в убийстве одной особы, с которой он познакомился совсем недавно. У меня хороший сын, он не убийца, он... Олег даже котят не мог утопить, не то что человека... Да и девушку-то он толком не знал. Познакомились несколько дней тому назад, начали встречаться, были в баре, гуляли по набережной... Я не знаю, почему его арестовали...

Лариса Хмара – молодящаяся женщина лет сорока пяти, бессильно опустила руки и покачала головой. Летний дождь поливал улицу, зеленые кроны деревьев. В окно врвался свежий ветер и трепал занавеску.

Разговор происходил в просторном и уютном кабинете хозяйки частного сыскного агентства Юлии Земцовой. Аромат кофе, который готовила в приемной ее новая секретарша Наташа Зима, сливался с запахом сырого асфальта и мокрой листвы; на фоне всех этих летних праздных звуков и запахов такие слова, как «убийство» и «арест», воспринимались как анахронизм. Какие убийства или аресты, когда жизнь так прекрасна, когда за окном льется теплый дождь, а на клумбе цветут бесстыдные в своей красоте и пышности розы? И кому это понадобилось кого-то убивать? Зачем?

Юля очнулась и посмотрела на посетительницу уже другим, более осмысленным взглядом. Лариса Хмара – мать. Она пришла просить помощи у Юли, чтобы собрать доказательства непричастности ее мальчика к такому серьезно-му преступлению, как убийство своей подружки. Но ведь девушка убита.

– Как ее зовут и когда произошло убийство?

– Катя... Катя Уткина. Фамилия очень ей, кстати, подходит. Она нескладная, хотя и довольно смазливая... – призналась, чуть поморщившись, Хмара. – Ее нашли утром зарезанной в собственной квартире. Олег проводил ее поздно вечером до самого подъезда, посадил в лифт и вернулся домой. У него есть алиби – ведь я была дома и могу это подтвердить!

– А кто нашел труп?

– Женщина из жэка. Как мне сказали в милиции, утром по дому ходили женщины из жэка, из бухгалтерии, и раздавали листочки с предупреждением о повышении квартплаты... Дверь Уткиной оказалась открытой наполовину, а на пороге женщина заметила след от башмака, кровавый след... И не побоялась же, вошла, окликнула Уткину, а уж потом заглянула в комнату и увидела ее всю в крови... Я бы на ее месте умерла от страха... У меня и Олег очень чувствительный, я же говорю, он котят не может утопить, не то что убить человека. Да и зачем ему ее убивать, если они с ней встречались?

Вошла Наташа Зима с подносом.

– Лариса, успокойтесь. Выпейте кофе...

– Здесь можно курить?

– Да, пожалуйста. Ответьте мне на такой вопрос: в каких отношениях вы были с Уткиной? Мне кажется, что вы недолюбливали ее...

– Да с какой стати мне ее любить? Она из простых. Безродная, интернатская, безработная, неизвестно на что жила. Вечно была в разъездах, я думаю, что моталась в Москву за барахлом, а потом продавала через знакомых лоточниц. Понятное дело, что не о такой снохе я мечтала. Но Олегу она нравилась. Дарил ей цветы... Как будто она была в состоянии это оценить!

– Она бывала у вас дома? Вы виделись? Разговаривали?

– Да о чем мне с ней разговаривать? У нее же интеллект ниже табуретки! Я понимаю, конечно, что выгляжу смешно, так открыто выражая свою неприязнь к этой бедной девушке, но если бы вы видели, с какими девушками я пыталась познакомиться Олега... Все из хороших семей, из наших, университетских. Умницы, красавицы, с дипломами и хорошей профессией, с квартирами, наконец! А у этой что? Правда, квартира у нее имелась, однокомнатная, осталась ей по наследству не то от тетки, не то от бабки, я не знаю. Она даже умудрилась ее отремонтировать, но все равно, все это не то, не то! И я как чувствовала, когда отговаривала Олега от этой Уткиной. Уткина! Нет, вы только послушайте: Уткина!

Юля, с трудом скрывая насмешку, подумала о том, что и

фамилия «Хмара» не блеск и что фамилия здесь вообще ни при чем, потому что когда не нравится человек, то не только фамилия, даже город, в котором он родился, не понравится. Уж так устроен человек...

– Вы хотите, чтобы я нашла убийцу Уткиной? – спросила она прямо, глядя в глаза Ларисы и стараясь прочесть в них истинную причину дурного расположения к несчастной девушке-сироте.

– Если честно, то мне все равно, кто ее убил и за что. Мне важно, чтобы отпустили моего сына, чтобы с него сняли все подозрения, но как это сделать, я не знаю. Мне порекомендовал вас один человек, который вас хорошо знает. Бобрищев...

Юля вспыхнула. Бобрищев. Румяный, красивый, обворожительный мужчина, который был любовником сразу трех подружек, двух из которых убил родной брат профессора биологии Озе... *Значит, не забыл. Помнит. Надо бы ему позвонить, встретиться...*

– Да, я знаю его... Если труп обнаружили вчера утром, то как же могло случиться, что вашего сына так быстро арестовали? Как вышли на него?

– Он сам пришел... – всхлипнула Хмара и достала носовой платок. – Утром к ней пришел и попал прямо в лапы милиции. Сам все рассказал: и что провожал, и что видел ее в последний раз после двенадцати... Дурачок. Они его сразу же и сграбастали.

– У вас есть адвокат?

– Конечно, есть. Но что с того? Пусть даже нам удастся изменить ему меру пресечения, но все равно – его подозревают в убийстве, вы понимаете, каково мне? Пожалуйста, найдите убийцу этой девушки, тем самым вы снимете подозрение с Олега, и этой истории будет положен конец.

– И вы готовы заплатить большие деньги, чтобы мы занялись этим делом?

– Да, у меня есть деньги.

– Тогда должна вас предупредить, что, помимо меня, этим убийством, само собой, будет заниматься прокуратура, и может статься, что убийцу они найдут даже раньше, чем мы, но деньги вам назад возвращены не будут, поскольку я работаю не одна...

– Деньги меня не интересуют. Чем раньше будет найден убийца, тем лучше. Для меня важен результат, а не то, кто быстрее его найдет. Просто я деятельный человек и не могу спокойно жить, когда знаю, что мой сын... Сколько стоят ваши услуги и каковы условия? Я готова выслушать вас и рассказать буквально все, что только знаю об этой Уткиной.

Она упорно не хотела называть Уткину Катей. И Юлия вдруг представила себе, как сама Лариса Хмара является к бедной девушке домой и заносит над ее расprostертым и беззащитным телом большой кухонный нож. *Убийца приходит ко мне и просит найти убийцу. Очень интересно.*

– Хорошо. Тогда давайте сразу все и обсудим...

2. Ссора

– Вот интересно, если у меня когда-нибудь будет сын, как я буду относиться к его девушкам? Так же ненавидеть?

Юля улыбнулась своим мыслям. Наташа Зима поставила перед ней кофе и уселась напротив, обхватив свое хорошенькое веселое личико ладонями.

– Материнская ревность – мощная сила, это всем известно, – сказала она тоном многодетной матроны. – Но тебе все эти переживания пока не грозят. Ты, во-первых, еще молода, во-вторых, у тебя нет мужа, не говоря о ребенке...

– Для того чтобы в наше время иметь ребенка, вовсе не обязательно обзаводиться таким хлопотным и навязчивым существом, как муж, – возразила ей Юля. – Уж поверь мне, я была замужем дважды, и каждый раз мои замужества заканчивались грустно. Может, это я виновата и слишком много требую от мужчины, но, скорее всего, виноваты они. Да, точно они. Земцов был – ни рыба ни мясо. А Харыбин так просто деспот, мрачная личность, и я не удивлюсь, что он сейчас меня слышит... ФСБ – это тебе не фунт изюму. У них знаешь сколько всяких примочек, чтобы подслушивать, подсматривать... Так что... – Юля состроила уморительную гримасу и, указав пальцем на настольную лампу – хрестоматийное место, где все разведчики прячут «жучки», произнесла, сдерживаясь, чтобы не расхохотаться: – Харыбин, привет! Как

тебе послужится? Хочешь кофейку? Ха-ха-ха...

И тут, словно в ответ на ее шутку, раздался стук в дверь. Девушки притихли. Юля осторожно поставила чашку на стол и замерла. *Харыбин? Не может быть!*

Но это был не Харыбин. Не дождавшись ответа, кто-то повернул ручку двери, после чего показалось розовое смущенное лицо незнакомой девушки.

– Женька! – Наташа бросилась ей навстречу. – Юля, это Женька, моя подруга... Проходи... Ты себе представить не можешь, как напугала нас.

Девушка с бесполом именем Женька растерянно оглядывалась по сторонам. Увидев Юлю, вздохнула с облегчением и чуть заметно кивнула головой, словно успокоилась, что пришла сюда не напрасно. На ней был короткий летний сарафан, мокрый от дождя. Влажные кольца волос прилипли к щекам и шее. Большие зеленые глаза, черные брови, красные полные губы, румянец – Юля, глядя на нее, вдруг вспомнила Крымова, и ей стало сразу душно в этом прохладном кабинете. Уж он бы ее точно не пропустил, подумала она с тоской.

– Это Юля Земцова, а это – Женя Рейс, знакомьтесь! Проходи... Хочешь кофе?

– Кофе? Можно, конечно... Но вообще-то я пришла по делу...

– Что-нибудь случилось? – щебетала, ухаживая за подругой, Наташа, всем видом показывая, что присутствие Юли не

должно смущать подругу, что и сама Наташа что-то да значит в этих стенах, что все агентство – и ее вотчина, где она вправе хоть немного пораспоряжаться и расслабиться. Судя по ее виду, она была уверена, что Женя пришла именно к ней.

– Да нет, пока не случилось, но может случиться...

– У вас ко мне дело? – спросила Юля, стараясь сразу же определиться и выяснить: это визит подруги или потенциальной клиентки.

– Даже не дело, – покраснела, принимая из рук Наташи кофе, Женя. – Просто мне надо с вами посоветоваться. Я чувствую, что меня в очередной раз сократят, но не это главное... Есть один человек, который обещал мне помочь, но я не знаю, принимать его условия или нет...

– Это связано с интимом? – Наташа сделала страшные глаза и вдруг заразительно расхохоталась. Видно было, что она сгорала от любопытства, но все же меньше всего хотела вникнуть в истинную причину визита своей подруги. Слово «интим» хлестнуло по ушам даже Юлю, но Наташа явно не поняла этого. – Не соглашайся...

И тут вдруг Женя резко встала и, пробормотав что-то вроде «Извините, бога ради...», бросилась к выходу.

Наташа ошарашенно смотрела в окно, откуда хорошо просматривались участок дороги и Женя, бежавшая без оглядки на другую сторону.

– Ты что-нибудь поняла? – спросила она недовольным тоном Земцову, в возмущении пожимая плечами.

– Ты уволена... – услышала она в ответ.

Юля сказала это так неожиданно и таким решительным тоном, что Наташа оцепенела. Она почувствовала, как щеки ее горят, а по вискам струится ледяной пот. У нее было такое чувство, словно Юля только что прилюдно отхлестала ее по щекам.

– Что? Что ты сказала? Я... уволена? – Последнее слово она прошептала, не желая верить в его реальность.

– Да, ты уволена. Собирай свои вещички, и чтобы духу твоего здесь не было...

Юля вдруг представила себе, что вот так же бестактно Наташа будет себя вести и с остальными ее клиентами, и ей стало не по себе. Нет, беспардонной и зарвавшейся Наташе, резво отбившей у Юли Игоря Шубина, далеко до смекалистой и все схватывающей на лету Нади Шукиной – прежней секретарши и подруги Крымова. Мало того, что она в последнее время опаздывает на работу, ссылаясь на транспорт или сломанный будильник, так теперь еще смеет так нахально и дерзко вести себя с потенциальными клиентами. А что, если эта девушка, Женя, пришла действительно по делу, но не к ней, не к Наташе, а к Юле, чтобы поделиться бедой и попросить о помощи? Люди ведь зачастую переступают порог агентства, находясь на грани отчаяния... А тут этот фривольный тон и упоминание об интиме. Какая пошлость...

И хотя спустя несколько минут Юля уже поостыла и даже пожалела о своей резкости, отступить было поздно. Вероятно, именно визита этой самой девушки по имени Женя и не хватало Юле, чтобы решиться одним махом избавиться от ставшей ее нервировать Наташи.

Хлопнула дверь – это Наташа в слезах выбежала из кабинета и кинулась в приемную собирать вещи... Она что-то бросала и швыряла, после чего с треском грохнула еще одной, последней дверью, и в офисе стало необыкновенно тихо.

Юля позвонила Шубину.

– Игорь, это я.

Шубин был ее другом, бывшим возлюбленным и вообще близким человеком. И если бы не роман Юли с Крымовым, жившим теперь в Париже, они могли бы пожениться... В прошлом полунисица «сокращенная» библиотекарша Наташа, которую Юля взяла к себе из жалости домработницей, а потом и секретаршей в агентство, очень быстро сблизилась с Игорем и, по сути, женила его на себе. И Юля, которая долгое время не могла оправиться от сознания того, что Игорь теперь принадлежит другой женщине, в душе немного презирала Наташу. И даже боялась ее прыткости и быстрыми темпами развивающейся в ней напористости.

Она не знала, с чего начать разговор.

– Привет, Земцова...

– Я только что поссорилась с твоей Наташей и выставила

ее за дверь, – выпалила Юля одним духом. – Что мне теперь делать?

Шубин какое-то время молчал, обдумывая сказанное, после чего вдруг спросил:

– А это правда, что ты три дня не ночевала дома?

Вопрос потряс Юлю. Она улыбнулась, а потом и вовсе расхохоталась. Шубин был с ней, он чувствовал ее даже через телефонные провода, через десятки улиц и сотни домов. Он был настоящим другом, а потому понял, что, раз Земцова разорвала свои отношения с Наташей, значит, на то была причина... Сейчас же его интересовало совсем другое.

– Ты молчишь? Не хочешь мне отвечать?

– Откуда ты знаешь, сколько дней я не ночевала дома? –

Она уже немного успокоилась.

– Разведка донесла. Так кто он, этот счастливчик?

– Не скажу... Нет, правда, не могу сказать.

– На романтику потянуло?

И от этих слов Юля вспыхнула и мысленно перенеслась в душный маленький ресторан с кабаньими и оленьими головами на стенах и маленьким фонтаном у стены... Там так некстати звучала испанская музыка, и эти гитарные аккорды по-настоящему растревожили ее сердце и душу... Гитарист, не сводивший с нее глаз целый вечер, стал ее любовником уже в первую же ночь. Они провели вместе сутки, после чего всю следующую ночь он играл в ресторане, а она сидела за одним из столиков, пила вино и впервые за долгое время

чувствовала себя на седьмом небе от счастья. Ей было хорошо с этим мужчиной хотя бы потому, что она не любила его и никто ни в кого еще не успел пустить корни...

– Ты ревнуешь?

– Ревную, – ответил Шубин искренне. Она почувствовала это в его голосе.

– Ну и напрасно... И все-таки, как ты узнал?

– Узнал, и все. А что касается Наташи – не переживай. Сама себе кофе сварить.

– Ты ничего не слышал об убийстве девушки по фамилии Уткина?

– Слышал.

– Тогда приезжай... поработаем...

Она положила трубку, встала и прошла по кабинету. После пожара здесь многое изменилось и теперь мало что напоминало ей то время, когда она пришла сюда работать под началом Крымова. Да и сама она изменилась. Исчезли робость, нерешительность, страх при виде мертвеца. *Я очерствела?*

Рука сама потянулась к телефонной трубке, и она набрала номер Корнилова – следователя прокуратуры, с которым работала синхронно над одними и теми же делами довольно продолжительное время.

– Виктор Львович, меня интересует дело Уткиной. Сейчас ко мне заедет Шубин... Если хотите, к вашему приходу в морозилке окажется пиво, а на столе – рыба. Соглашайтесь... У меня здесь так хорошо, прохладно...

– Хмара? Это она была у тебя, я правильно понял?

– Вы более чем пронизательный...

– Ладно, приеду... Пиво привезу сам, не суетись.

Юля встрепенулась после разговора с Корниловым и словно очнулась от сладкой утренней дремы. Ссора с Наташей показалась выжатой из пальца. И все же, несмотря на легкие угрызения совести, она поймала себя на том, что чувствует необыкновенную легкость от сознания того, что больше никогда не увидит хотя бы здесь, в кабинете, это довольное и так часто ухмыляющееся лицо, эти насмешливые глаза. *Все. Умерла так умерла.*

Следующий звонок был в морг, Леше Чайкину, судмед-эксперту.

– Леша... Там у тебя должна быть девушка... Уткина. Что скажешь?..

3. Торт с арахисом

Женя Рейс лукавила, когда говорила, что ей грозит сокращение. Ее сократили давно, и вот уже более трех месяцев она подрабатывала на так называемых общественных работах – печатала на машинке страницы городской Книги Памяти, помогала на кухне одного из детских интернатов, по ночам дежурила в ожоговом центре, ухаживая за тяжелообольными и меняя им простыни... Денег едва хватало на то, чтобы сварить себе суп. Она задолжала за квартиру и телефон, обносила до такой степени, что практически не в чем было выйти из дома... Молодой любовник Юра, который приходил к ней регулярно три раза в неделю, сделал ей на днях замечание, что у нее заусенцы на пальцах, что его это раздражает. Кроме того, он отверг ее очередные утренние гренки. Он хотел мяса, но мяса не было, потому что не было денег. Юра иногда приносил ей продукты, конфеты, но практически сам же все и съедал. В сущности, проку от него даже как от любовника было мало, и дело было, конечно, не в том, что он не получал утром свою порцию мяса. Таким мужчинам уже не мясо нужно, а что-то посерьезнее, вроде гомеопатических капель. Но Женя терпела его придирки и обвинения (Юра считал, что в их разладившихся сексуальных отношениях виновата только она), встречала Юру, как могла ублажала его, старалась сохранить хотя бы такие отношения, ка-

кие были. И все это – ради того, чтобы продолжать обманывать себя и создавать видимость течения жизни. Она знала по собственному опыту, что исчезни из ее жизни Юрий, и это самое течение жизни прекратится, и ее дом и даже город превратятся в теплое и непроходимое болото... Депрессия – вот чего больше всего боялась Женя Рейс. И это при ее броской красоте, природном оптимизме и внутренней силе. Видимо, без денег и работы блекнет и красота, исчезает оптимизм, а на смену веселости приходит беспросветная тоска.

Окончившая в свое время политехнический институт, Женя несколько лет проработала в проектном институте, где была долгое время любовницей своего непосредственного начальника. Понятное дело, она мечтала о своей семье, о том, что когда-нибудь в ее жизни все резко переменится и она наконец-то станет женой этого человека. Но он был женатым мужчиной. Она разорвала с ним отношения, причем так резко и неожиданно, успев оскорбить его и даже ударить, что последствия не заставили себя долго ждать. Сначала ее сократили, и ей пришлось уйти из этого института, затем та же участь постигла ее, когда она устроилась в смежное предприятие. Она знала, кто за всем этим стоит, но ничего не могла поделать: ее бывший возлюбленный стал замом министра по строительству в губернии и при случае делал все, чтобы лишить ее возможности устроиться на приличную работу. Так в ее жизни появилось слово «биржа» – ненавистное, унижительное, безысходное... Жалкие пособия, очереди

в душном коридоре, тихий шепот таких же, как и она, безработных и предложения устроиться чернорабочей по уборке нечистот, нянечкой в детские ясли (с окладом, которого могло бы хватить на три килограмма масла) или дворником на окраину города, чтобы выгребать подгнивший мусор из мусоропроводных блоков...

В тот день Юра пришел чуть раньше. В его руках она увидела коробку.

– Это мне? – обрадовалась она. – Юра, и как это тебя уго-раздило? Зарплату, что ли, получил?

– Это тебе, но не от меня, – каким-то странным тоном произнес Юра и покраснел. – Короче. Там в подъезде мой друг. От него баба ушла, а ему надо...

– Чего надо? – сначала не поняла Женя.

– Чего-чего, вроде ты не понимаешь... – И он довольно грубо, используя народный глагол, выдал ей, зачем к ней пришел его друг и что ему от нее надо.

И тогда Женя, на какое-то время выпав из реальности и превратившись в ту самую Женю Рейс, когда-то давным-давно надававшую пощечин своему начальнику, быстро развязала бечевку на коробке, вынула рыхлый маленький торт и со всего размаху залепила им в ставшее ей ненавистным лицо своего любовника. Затем, не дав ему опомниться, вытолкала взашей из квартиры и заперлась. Метнулась к балкону и выбросила прямо во двор части пустой коробки из-под зло-

счастливого торта.

Ее всю трясло от возмущения. Какой-то мерзавец решил ее купить за коробку торта! Самого дешевого, с арахисом!

Женя только ближе к ночи успокоилась и решила все-таки позвонить Михаилу Семеновичу.

Михаил Семенович, фамилии которого она не знала, появился в ее жизни еще ранней весной. Они познакомились прямо на улице, неподалеку от той самой биржи труда, куда она приходила отмечаться. Он прямо-таки налетел на нее, уронил на ее голову какие-то папки, бумаги, потом долго извинялся, а под конец представился и пригласил Женю в кафе-мороженое. Понятное дело, ни о каком мороженом там не могло быть и речи. Во-первых, было холодно, во-вторых, в самом кафе подавали все, что угодно, но только не мороженое. Михаил Семенович угостил Женю хорошим вишневым ликером, свиной отбивной и шоколадным тортом. Спросил, чем она занимается, и, когда Женя, краснея от стыда, призналась в том, что живет на пособие по безработице, сразу же предложил ей встречаться... Он был невысокого роста, почти лысый, но какой-то гладкий, холеный и хорошо одетый. Женя, сидя за столиком и поедая торт, пыталась представить его себе без одежды, и ее чуть не стошнило... Она и сама не могла бы себе объяснить, почему ей показалось, что от него должно пахнуть лекарствами, а его кожа непременно лимонного, старческого оттенка. Словом, она ему вежливо

отказала, ничем не мотивируя свой отказ. Его реакция удивила ее. Он положил ей руку на ладонь и улыбнулся. А потом произнес некую загадочную фразу, смысл которой она поняла только дома, когда вернулась... Получалось, что Михаил Семенович очень одинок и что ему женщина нужна даже не столько как любовница, а как друг, как существо, способное понять его и внести в его жизнь элемент красоты. Да, он очень много говорил о женской красоте, о том, что это – богатство... Когда же зашел разговор о богатстве вообще, то Михаил Семенович сказал, что он богат и что женщина, согласившаяся проводить с ним время, будет вспоминать его до последних дней. И как бы в подтверждение этого странный дядечка достал из кармана бумажник и подарил Жене стодолларовую купюру. Она пыталась отказаться, но вдруг прочла в его взгляде такую печаль и тоску, что передумала возвращать ему деньги, поблагодарила и обещала позвонить. И конечно же, не позвонила... Сейчас, когда прошло столько времени, она поняла, что и он лукавил, говоря исключительно о женской красоте, и что ему, как и другим мужчинам, нужна прежде всего женщина именно в физиологическом смысле. И даже если он импотент, все равно он попытается уложить ее в кровать. И все же из головы не выходили те сто долларов, которые он подарил ей просто так...

Он меня уже не помнит, подумала она, роясь в сумочке в поисках листочка с его телефоном. А если и вспомнит, то

что проку, если прошло столько времени и он наверняка уговорил какую-нибудь другую девушку?

Наконец листочек был найден. Он был истерзан, помят, и цифры на нем едва прочитывались. Она набрала номер и после нескольких длинных гудков услышала приятный мужской голос, точнее, голос автоответчика, извиняющийся за то, что хозяина нет дома, и объясняющий, что свое сообщение она может оставить после звукового сигнала.

– Меня зовут Женя, Женя Рейс... Я перезвоню в...

Но тут трубку взяли, и все тот же голос, только как будто более живой, откликнулся радостно:

– Женечка? Женя Рейс? Я прекрасно вас помню... Очень рад, очень... Как ваши дела? Надеюсь, у вас все хорошо?

Да уж, лучше некуда...

– Не то чтобы хорошо...

– Вы нашли работу?

– Нет, – сказала она упавшим голосом. – Не нашла.

– Так я вам помогу. У меня приятель организует небольшую макаронную фабрику, набирает штат. Там неплохие заработки. Но только все надо оформить побыстрее. Приносите свои документы, мы сделаем ксерокопию, и вы получите прекрасное место...

– Но ведь я не умею делать макароны!

– И не надо! Будете на конвейере или еще где-нибудь...

Не переживайте, я все устрою лучшим образом... Так вы согласны?

– Конечно, согласна.

– Подъезжайте ко мне завтра к десяти утра, записывайте адрес...

4. Холодное пиво

Корнилов приехал почти одновременно с Шубиным. Он выглядел, как всегда, озабоченным, хотя и бодрым. Юля, слушая так не вязавшийся с его суровой внешностью высокий, почти мальчишеский голос, приняла из его рук пакет с бутылками и сразу же сунула их в морозилку. На столе лежала разделанная вобла, сочная, с красноватым жирным «мясом» и оранжевыми «ребрами». Игорь, крепкий и коренастый, с круглой, почти без волос, головой, источал, казалось, само здоровье. Мужчины пожали друг другу руки и уселись за стол. Юля принесла водку – большую запотевшую бутылку, наполовину опорожненную. Поставила блюдце с ломтиками лимона.

– Вот, Виктор Львович, никак не допьем.

– Это Крымова на вас нет... Как он там, в Париже, не звонит?

– Звонит, у него все нормально. Никак не разберется с Щукиной, не хочет, чтобы ее новый муж воспитывал его ребенка... Но это их проблемы. Давайте лучше поговорим об Уткиной. Конечно, знать бы раньше, что мне придется заниматься этим делом, то сама бы выехала на место преступления...

– Уткина – молодая женщина, не сказать чтобы красивая, но все же... – Корнилов разлил водку и взял в руки ли-

мон. – Ее зарезали. Пару раз пырнули ножом. Удары нанесены непрофессионалом, да и крови много... Судя по всему, убийца что-то искал в квартире, потому что там все перевернуто вверх дном. Рылись почему-то в ванной комнате, на кухне, высыпали из банок все сыпучее...

– Думаете, деньги?

– Не думаю, что она была при деньгах. В квартире хоть и сделан ремонт, но все скромно, с минимальными затратами: дешевые обои, линолеум... Девушка была аккуратная, кругом чистота, если бы не эта скотина, что зарезала ее... Мы сняли отпечатки пальцев, но результаты еще не готовы...

– Арестован Олег Хмара, – напомнила ему Юля. – Вам не показалось странным, что он, предполагаемый убийца, человек, который видел ее последним, является утром на место преступления и дает себя арестовать?

– Скорее всего, он не виноват и не он убил девушку, но и отпускать его пока тоже нельзя...

– Почему?

– Соседка Уткиной говорит, что слышала на лестнице голоса и чуть ли не шум драки... А кто, кроме Олега, был у Уткиной ночью? Ведь он вернулся домой после двенадцати, а соседка слышала голоса и шум где-то около одиннадцати. Кроме того, Олег – парень неразговорчивый, злой, обиженный на весь мир за то, что его арестовали. Он отказывается отвечать на самые простые вопросы. Сначала он был потрясен сообщением о смерти своей подружки, а потом, когда

до него дошло, что это именно его подозревают в убийстве, замкнулся в себе и сказал, что будет говорить только в присутствии адвоката. Мы вызвали мать, та, в свою очередь, – адвоката, но парень так ни слова и не обронил.

– А что известно о самой Уткиной?

– Очень мало. Вроде бы она совсем одна, я имею в виду, ни родственников, ни подруг. Очень часто, если верить соседке же, куда-то ездила, предполагается, что в Москву. В квартире, кстати, мы нашли железнодорожный билет Москва – Саратов, получается, что Уткина приехала в Саратов где-то с месяц тому назад. И почти в то же самое время, по словам матери, познакомилась с Олегом. *Хотя она сказала, что несколько дней тому назад.* Они встречались, Олег был чуть ли не влюблен в нее и собирался даже жениться.

– А что, если это ограбление? Ведь из квартиры наверняка что-нибудь да пропало...

– Денег мы нигде не обнаружили, бумажник валялся на полу, пустой. В шкафу на полочке стояла шкатулка, но в ней, кроме дешевых побрякушек, тоже ничего ценного. Ни сережек в ушах покойной, ни колечка на руке – ничего...

– Но если вы подозреваете Олега... Он бы не стал брать деньги... У него же все есть, насколько я поняла со слов его матери, в семье есть средства. И разве ее желание поручить мне частное расследование ни о чем не говорит?

– Ты не видела Олега... Он не простой парень. И не всегда убийца похож на убийцу, сама знаешь. И то, что на полу

валяется пустой бумажник, еще ни о чем не говорит. Убийца мог, убив Уткину по каким-то своим соображениям, инсценировать ограбление...

Шубин, молчавший все это время, вздохнул.

– Я был у Чайкина после того, как ты мне позвонила, – вдруг сказал он, обращаясь к Земцовой. – На Уткину напали. Причем напали неожиданно. Скорее всего, она открыла дверь, не взглянув в глазок, и тут же была сбита сильным ударом в голову. Убийца пришел к ней, как я предполагаю, уже после ухода Олега. И ему явно что-то от нее было нужно. Судя по ссадинам и ранам, кровоподтекам на лице, руках и ногах, была борьба, Уткина сопротивлялась, царапалась, у нее под ногтями частицы кожи, грязь... Не думаю, что это Олег Хмара, парень, с которым она встречалась. Хотя... Он мог попытаться изнасиловать ее, возникла ссора, драка, Уткина оскорбила его, унизила... Всякое могло случиться... Да, вот еще что. Пониже спины, на ягодице ее – шрам. Рванный такой, интересный, Чайкин говорит, что ему примерно несколько месяцев. Мне даже показалось, что шрам непростой, что там какие-то буквы или цифры...

– Это случайно не клеймо? – предположил Корнилов.

– Не знаю, у меня было мало времени. Я подумал, что мы с Юлей еще вернемся к Леше, поговорим более подробно, а к вечеру, глядишь, появятся первые результаты экспертизы...

Юля достала пиво. Разговор медленно и лениво перебирался с главной темы – убийства Уткиной – совершенно в

другие русла: денежное, «крымовское», философское... Расстались довольные друг другом и пивом. Корнилов уехал, а Юля с Шубиным отправились к своему другу – одному из лучших судмедэкспертов города – Леше Чайкину.

5. Утреннее предложение

Женя Рейс некоторое время стояла в нерешительности перед дверью Михаила Семеновича, боясь позвонить. *Ясно как день, что он попробует затащить меня в постель. И что будет дальше? Использует, окатит ледяным презрением и выставит вот за эту дверь. Может, денег даст...*

Сейчас она ненавидела всех мужчин, вместе взятых. Ей казалось, что общество больно мужским шовинизмом, что женщинам искусственно создаются препятствия для того, чтобы они могли полностью себя реализовать. Женя, к примеру, была хорошим архитектором и инженером и могла бы, если бы понадобилось, сама спроектировать дом, а то и квартал, и эти строения стояли бы годами, если не веками. Она любила свою профессию, ей нравилось чертить, делать расчеты, она мысленно как будто возводила один этаж за другим и словно видела тех людей, которые будут жить в ее домах. И лица их светились радостью. И вот теперь сама Женя по мстительному желанию одного из своих самых «долгих» любовников никак не может найти себе приличное место, где бы ее талант был востребован, где бы она смогла почувствовать себя полноценной личностью. Кто уготовил ей такую судьбу, судьбу государственной приживалки, по сути, нищенскую и унижительную роль в этом самом обществе? По ее твердому убеждению, это были мужчины. Все, кто всту-

пил в легкий и ни к чему не обязывающий стговор против нее. Она даже представляла себе своего бывшего любовника, сидящего в прохладном кабинете с телефонной трубкой в руке. Он звонит своим приятелям – директорам строительных фирм или обращается к посредникам, чтобы ей перекрыли кислород, чтобы не взяли на работу. *Ненавижу!*

Она с силой нажала на коричневую кнопку звонка и вся внутренне напряглась.

Михаил Семенович открыл дверь с улыбкой, которая за один миг успела ее немного приободрить. Женя тоже улыбнулась ему в ответ, но ее улыбка была отравлена униженностью и растерянностью.

– Женечка? Очень рад... Хотя, конечно, прошло довольно много времени... И как это вы вспомнили обо мне?

Она не нашлась что ответить. Да Михаил Семенович и не настаивал. Он чуть ли не за руку провел ее в глубь своей огромной квартиры, хорошо пахнувшей новой мебелью и почему-то чесноком. Она не ошиблась – в гостиной был накрыт стол, а этот запах шел, вероятно, из кухни, где готовилось что-то вкусное, такое, чего Женя давно не ела.

– Женечка, чувствуйте себя как дома, расслабьтесь... Мы здесь одни, я очень, слышите, очень к вам расположен, а потому мойте руки и садитесь за стол. Все, что вы видите на столе, я приготовил собственными руками. Ну же, смелее... – Он показал ей, где помыть руки, и Женя увидела мельком его жест, который несколько насторожил ее: Миха-

ил Семенович тихонько потер ладони, как бы предвкушая что-то... Что? Он собирается съесть и ее, Женю Рейс, с чесноком?

Михаилу Семеновичу на вид было лет шестьдесят. Маленький, толстенький, в темных брюках, белоснежной сорочке и красной жилетке, крепко надушенный, он явно расстарался, приготовился к ее приходу и теперь походил на лоснящегося породистого петушка. Особый шарм придавали ему очки в золотой оправе, которые он то и дело поправлял на своем маленьком аккуратном носу. Влажные красные губы его выдавали в нем сладострастника.

За столом он ухаживал за Женей, подкладывал ей салаты, принес блюдо с фаршированной курицей, отломил розовый сочный кусок с оранжевой жирной корочкой и торжественно положил ей на тарелку.

– Ну рассказывайте, моя дорогая, как это вы оказались на бирже. Пожалуйста, не смущайтесь, потому что я, повторяю, расположен к вам и изо всех сил хочу вам помочь... У вас какое образование?

Женя сбивчиво и нервно выдавала ему фрагменты из своей жизни, указывающие на то, что у нее прекрасный диплом, характеристики, что она была чуть ли не незаменимым специалистом в известном в городе проектно институте, но обстоятельства сложились таким образом, что она вынуждена была уйти оттуда...

– Из-за начальника? – перебил ее пронизательный Миха-

ил Семенович. – Вы были его любовницей? Не смущайтесь моих вопросов, просто у меня жизненный опыт, и на многое я смотрю иначе, нежели вы... Схема взаимоотношений мужчины и женщины мне знакома настолько, что вы удивитесь, когда мы поближе сойдемся. Я не спорю – мужчины, равно как и женщины, отличаются друг от друга характером, темпераментом и прочим, но в целом поведение мужчины я могу назвать одной фразой...

– И какой же?

– Мужчина стремится к власти. Сексуальный партнер – ваш начальник на работе. Согласитесь, при такой ситуации все искренние чувства женщины подвергаются опасности. Ведь вы же зависите от него целиком и полностью... К тому же он наверняка был женат.

– Да, из-за этого мы, собственно, и расстались...

– Вот видите!

– Ничего особенного, – вдруг осадила она его, – здесь и догадываться было нечего... Будь он свободен, все сложилось бы по-другому... – И она вкратце рассказала ему свою историю и последовавшие вслед за ней репрессии со стороны своего начальника-любownika.

– Вот мерзавец!

Ей вдруг показалось, что более пошлой ситуации, в которой она оказалась сейчас, в ее жизни еще не было. Прийти утром в гости к пенсионеру (она была уверена, что Михаил Семенович – молодящийся, с неплохой пенсией «папик», не

до конца растерявший свой любовный пыл), рассказать ему о перенесенных ею унижениях, признаться в том, что находилась в связи с женатым мужчиной, да еще к тому же и начальником... Ей захотелось уйти, вернуться домой, как загулявшей собачонке, свернуться калачиком и всласть поплакать.

– Хотите, я скажу вам, о чем вы сейчас подумали? Вот, мол, пришла к почти незнакомому мужчине в гости, да еще утром, непонятно для чего... Раскрылась, рассказала о себе, а зачем? Ради чего? Ведь так?

Она смутилась и даже отвернулась к окну, чтобы не смотреть ему в глаза.

– Значит, я прав. Но вы не должны так думать. Я – другой человек и не похож на вашего бывшего друга. Кстати, как его звали?

Она вспыхнула и замотала головой.

– Все-все, умолкаю. Не хотите говорить – не надо. Это ваше право. Просто у меня большие связи, и я мог бы помочь вам отомстить ему, если вы этого пожелаете. К примеру, могу поставить его примерно в такое же положение, что и он вас. И тогда уже не вы, а он будет стоять в очереди на бирже в то время, как вы будете...

– ...упаковывать макароны. – Женя раскраснелась и готова была уже заплакать.

– Да нет, милая, вы не будете запаковывать макароны. И это я вам говорю, Михаил Семенович Бахрах. Вы еще мало

знаете меня, а потому не представляете себе, как себя нужно со мной вести и чего от меня ждать. Так я вам отвечу. Я – человек немолодой, много пожил и многое знаю. Я вижу перед собой молодую и очень красивую женщину, которой хочу помочь. И я ей помогу. То есть вам помогу. И сделаю все, чтобы вы шли по жизни с гордо поднятой головой. У вас будет все, что только вы пожелаете, но при одном условии, выполнить которое для вас не составит никакого труда...

– Условие? Какое еще условие? – Женя, уже готовая к тому, чтобы покинуть эту квартиру, поскольку слишком обнаженной она почувствовала себя перед этим странным и самоуверенным Бахрахом, делающим ей вполне определенные предложения, заговорила откровенно, прямо: – Вы хотите, чтобы я стала вашей любовницей?

– А почему бы и нет? Вы не будете работать на меня, вы будете моим другом, моим нежным и ласковым другом, я буду любить вас...

В его голосе она не почувствовала ни похотливости, ни сладострастия, ничего такого, что могло бы вызвать в ней отвращение. Но сказал он это так, словно речь шла о деловом предложении, истинный смысл которого ей все равно еще не дано понять.

– Как же вы будете любить меня, если мы почти незнакомы? И разве можно вот так, походя, говорить о любви, как вы сейчас?

– Вы серьезная девушка, Женя. Да, здесь я, пожалуй, с ва-

ми соглашусь. Любовь – это не игрушки... И все же, вы принимаете мое предложение? – И, не дав ей опомниться, сказал чуть тише: – Тем более вы предполагали такой поворот нашего разговора, не так ли? Вы даже были готовы к нему, как и к тому, чтобы прямо тут, у меня, доказать свое расположение ко мне и получить за это деньги...

Это было уже слишком. Женя поднялась, хотела было уже уйти, но Михаил Семенович ласково взял ее за руку и усадил на место:

– Не торопитесь с выводами. Деньги играют не последнюю роль в нашей жизни. И нельзя так откровенно показывать мне свое негативное отношение к моему предложению, когда вы к нему, повторяю, уже были готовы. Вы побудете у меня до вечера, освоитесь, покушаете, выпьете хорошего вина и уйдете себе домой, чтобы хорошенько все осмыслить. Я дам вам денег даже за то, что вы проведете у меня всего несколько часов. И это будет немалая сумма. А уж если вы согласитесь быть со мной, то я дам вам гораздо больше. Несколько встреч, и вы сможете купить себе неплохой автомобиль, в котором прокатитесь перед носом вашего бывшего возлюбленного... Согласитесь, это будет приятно. Я даже помогу вам побыстрее получить права. И вообще все ваши желания будут исполняться, как в сказке...

– Но так не бывает... Такие большие деньги за свидания... Не проще ли было бы вам пригласить девушку по вызову и заплатить ей гораздо меньше?

– Нет, не проще. Я хочу, чтобы вы в конечном счете полюбили меня, Женя. Я хочу любви, хороших, человеческих отношений, пусть даже основанных на чувстве благодарности ко мне.

– Вы будете требовательны ко мне, и я не буду знать, как вам угодить, это ли не будет очередное унижение? Почему вы выбрали именно меня? Ведь если бы я вам понравилась с самого начала, еще тогда, весной, то вы бы нашли меня...

– Я хотел, чтобы вы пришли ко мне сами. Это бы означало, что я не так противен вам, как остальным... Ведь вы же видите, что я по-прежнему живу один, что у меня нет девушки, женщины...

Она ничего не понимала, кроме того, что он что-то недоговаривает.

– Хорошо, давайте попробуем. Что мне надо делать?

– Для начала раздеться и ходить по комнатам без одежды. Это несложное условие, если учесть то, что вы – женщина, а не скучная и неинтересная девственница.

Началось... Сначала он попросит меня ходить по квартире голой, а потом захочет, чтобы я изображала из себя собачку и лаяла...

– Вы хотите проверить, смогу ли я возбудить вас?

Он промолчал в ответ.

– Надеюсь, вы не садист?

– Не думаю...

Женя сняла платье, села за стол и взяла спелую грушу.

Пусть смотрит, подумалось ей в эту минуту, в сущности, этого просили у меня все мужчины, так почему я должна отказывать этому старичку?

Пусть смотрит, пусть ослепнет...

6. Девушка из Константиновки

Девушка, лежащая на столе, была при жизни довольно привлекательной. Юля смотрела на мертвое лицо Уткиной и представляла себе, как та, в летнем платье, идет под ручку со своим парнем, Олегом, по улице, как прохожие оборачиваются на нее. Да, оборачиваются, особенно мужчины, потому что Катя Уткина была великолепно сложена. Полная грудь, тонкая талия, длинные стройные ноги. Леша сказал, что девушка была здоровой молодой женщиной, что незадолго до смерти имела половой контакт с женщиной, но что вряд ли была изнасилована.

– Если она была с Олегом, то не дома... Мать Олега говорит, что он проводил ее до подъезда, до лифта, но с ней не поднялся. Думаю, есть смысл проверить, с кем была девушка, с Олегом или с убийцей, а может, и с третьим лицом...

– Хочешь взглянуть на шрам? – Леша Чайкин, от которого немного разило спиртным, взял со стола перчатки и, не дожидаясь ответа, начал натягивать их на руки.

Шубин, по своему обыкновению, молчал, глядя, как Леша медленно переворачивает тело девушки. Они с Юлей едва успели отскочить – черная жидкость хлынула изо рта трупа...

– У нас ночью отключили электричество, – словно оправдываясь, пробормотал Леша, одной рукой придерживая де-

вушку за плечо, чтобы можно было рассмотреть шрам на ягодице, а другой прикрывая ее голову рыжей тряпкой.

Юля, с трудом переносившая ядовитый трупный запах, достала платок и приложила к носу. Сейчас ее взгляд был устремлен на шрам размером со спичечный коробок.

– Действительно, интересный шрам, довольно необычный, объемный, и на нем, если постараться, можно разглядеть буквы «Z» и «A». Как ты думаешь, Леша, эти буквы получились случайно, или же их вырезали специально?

– Думаю, что случайно, потому что они расплывчаты, во-первых, а во-вторых, слишком мало эти символы несут в себе информации... Грубая работа, если действовал хирург, и тонкая – если работал какой-нибудь извращенец. Скорее всего, на этом месте было либо родимое пятно, которое пытался вывести какой-нибудь сельский эскулап, или же такой вот странный шрам остался после несчастного случая.

– Значит, не стоит забивать себе голову этим шрамом? – спросил Шубин.

– Не знаю, – пожал плечами Чайкин, – если только запомнить его, как приметку...

– А что можешь сказать о ножевой ране?

– Удар нанесен непрофессионалом, как будто ее пырнули именно в драке, чуть ли не случайно, потому что нож вошел как-то боком и проник в сердце довольно сложным образом... Девушка вела вполне нормальный образ жизни, ничем не злоупотребляла, все внутренние органы здоровы: пе-

чень, легкие, желудок, да и сердце было крепкое... Ей бы жить да жить. Не представляю, за что ее можно было так избить, а потом еще и зарезать. Я понял бы, если бы она в тот вечер набралась по уши, а то ведь всего-то немного вина... Самую малость приняла.

– Надо срочно навестить Олега и убедить его рассказать об этой девушке: в каких они были отношениях, как расстались, откуда она, из какой семьи... И почему он не проводил ее до самой квартиры, ведь была ночь... – рассуждала Юля вслух, не отрывая взгляда от девушки, теперь уже наполовину прикрытой забрызганной и успевшей побуреть от крови клеенкой. – Ведь мы о ней совершенно ничего не знаем...

Юля с Шубиным покинули морг, заехали пообедать в кафе «Тройка», откуда каждый разъехался по своим делам: Шубин отправился к Корнилову за ключами от квартиры Уткиной, где было совершено убийство, Юля же вернулась в агентство, где занялась составлением плана расследования. Шубин должен был договориться с Корниловым о том, чтобы организовать Олегу Хмаре встречу с Земцовой. Кроме того, Юля обзвонила всех своих знакомых из системы УВД, которые могли бы помочь ей навести справки об Уткиной. К вечеру она уже знала, что Екатерина Андреевна Уткина была сиротой, но родом из села Константиновка Саратовской области, что несколько лет прожила в Саратове в доме-интернате номер два, откуда ее пять лет тому назад забрала тетка. Два года тому назад тетка умерла, оставив единственной

племяннице однокомнатную квартиру. Уткина выучилась на швею, но по специальности так нигде и не успела поработать, устроилась продавцом в коммерческий ларек, откуда ее уволили за недостачу. Выяснив, где именно работала Уткина, Юля поехала на Большую Казачью, разыскала ларек, перестроенный в крохотный аккуратный магазинчик, где встрети­лась с девушкой-напарницей, работавшей прежде с Катей.

– Катя умерла? – Девушка по имени Света сделала большие глаза и покачала головой. – Ничего себе... Она же совсем молодая, никогда и ничем не болела...

Разговор происходил в маленьком подсобном помеще­нии, заставленном картонными коробками с сигаретами, вином, пивом и минеральной водой. Пахло табаком, копченой курицей, остатки которой плавилась на солнце в пластиковой тарелке, свежим огурцом...

– Света, Катю убили, вчера... Я – следовательно, – она не стала уточнять, что частный детектив, посчитав, что эта ин­формация будет лишней и что для такой девушки, как Света, нет большой разницы, с кем поговорить о погибшей под­ружке, – и веду расследование по этому делу. Мне хотелось бы узнать побольше о Кате.

– Катя? Господи, прямо не верится, что ее нет... Она бы­ла... даже и не знаю, как сказать. Словом, невезучая, что ли... Мы проработали с ней около полугода, а потом ее уво­лили за недостачу, хотя на самом деле никакой недостачи не было, просто ее подставили...

– Кто и за что? Как это случилось?

– Она в тот месяц работала не со мной, а с другой девчонкой, которая прикупала на оптовке сигареты, а выручку клала себе в карман. Понятное дело, что все это скрывалось от шефа...

– И как же получилось, что ее подставили? Расскажите механизм.

– Все очень просто. Катя вышла на подмену и торговала сигаретами той, Валентины, думая, что это ее товар. Приехал управляющий, увидел блоки, каких не было в накладных, и поймал, выходит, Катю... Та все отрицала, говорила, что просто недоглядела, что привыкла, что заказывают такие сигареты, словом, просмотрела... Она и на самом деле невнимательная была, часто лишнюю сдачу отдавала, в долг никому не отказывала, вот люди и пользовались ее слабостью... Но это была даже не слабость, а характер. Она была просто добрая.

– У нее был парень?

– Были иногда, но постоянного не было. Она считала себя некрасивой, хотя фигура у нее была что надо. В общем, классная была девчонка, не вредная, она мне нравилась... А та, Валентина, ее тоже потом уволили, когда поняли, что она собой представляет. Хотели даже разыскать Катю, чтобы пригласить обратно, но я думаю, что все эти разговоры велись на уровне управляющего и что шефу глубоко наплевать, кто у него в ларьках работает, у него их знаете сколь-

ко! – и Света описала рукой круг в воздухе. – Такие дела...

– Значит, она была простой девушкой, доброжелательной, встречалась время от времени с парнями, но серьезного ничего не было... А про Олега тоже ничего не слышали?

– Нет, не слышала. Я, правда, встретила ее как-то по весне и удивилась. Идет Катя в красивой песцовой шубке, в дорогих сапожках, высокая, стройная... Я еще подумала тогда, что ошиблась, уж слишком стильной и дорого одетой она мне показалась, но когда подошла к ней и увидела ее улыбку... А она, знаете, так хорошо всегда улыбалась... Словом, это была она. Только я спешила, и она сказала, что сейчас в Саратове и чтобы я позвонила ей, но я так и не позвонила... Закружилась. Да мы с ней особо и не дружили. А потом мне кто-то сказал, что она живет в Москве. То ли замуж вышла, то ли любовника богатого нашла. И я, знаете, поверила. Иначе откуда у нее такие деньги? Я тогда вскочила в автобус, а она – я видела из окна – поймала такси...

– А вы не можете вспомнить, кто вам сказал, что она живет в Москве?

– Кто? Сейчас подумаю... Да Ирка и сказала, моя сегодняшняя напарница. Она, кстати, должна сейчас подойти... Если хотите, подождите...

– Нет, я, пожалуй, пойду. Вы мне скажите, когда лучше подойти.

– Минут через двадцать, не раньше...

Юля поблагодарила девушку и вышла на улицу. Пекло

солнце, под полотняными зонтиками прятались в тени и пили пиво из высоких прозрачных бокалов мужчины. *И ни одной женщины*, подумала Юля.

Неподалеку от магазина, где когда-то работала Катя Уткина, находился и тот самый ресторан «Охотничий», где Юля познакомилась с Дмитрием. Она решила спуститься туда и выпить холодной минеральной воды. Она знала, что Дмитрия там нет, что он появится лишь поздним вечером, когда в ресторане соберется постоянная публика, для которой он будет играть все, начиная с русских романсов и кончая испанскими мотивами и фламенко.

В ресторане было прохладно и темно. В глубине светился зеленый, как травяная лужайка, бильярдный стол. За столиками не было ни души.

Она подошла к бару, и словно из темноты возник красивый белокурый молодой человек, вышколенный, с кошачьими движениями, который, зачем-то обогнув стойку, подошел совсем близко к Земцовой и заглянул ей прямо в глаза. Она отшатнулась. Ей показалось, что он ошибся, принял ее за другую. Но вдруг услышала:

– Ведь вас зовут Юлия? Вы знакомая моего друга Дмитрия. Его нет, но я могу угостить вас джином, мартини, чем пожелаете. Меня зовут Герман.

– Я бы хотела ледяной минеральной воды... Герман...

– Нет проблем... – и вскоре на стойке появился стакан с

водой.

– А у вас здесь днем всегда так тихо?

– Да, почти... Здесь страсти разгораются только ночью. Вот на этом табурете, на котором вы сейчас сидите, как приклеенная восседает Лолита – маленькая рыжая проститутка, одна из самых дорогих в городе. У нее очень красивые волосы, красивое тело и совершенно нет мозгов. Но они ей и не нужны. Она зарабатывает хорошие деньги и спускает здесь, угощая всех...

– Зачем вы мне это рассказываете?

– Она пыталась соблазнить Дмитрия, но у нее так ничего и не получилось. Хотя она ему нравилась, я знаю...

Ей расхотелось пить. Она отодвинула от себя стакан, спустилась с высокого табурета и, открыв сумочку, стала рыться в ней в поисках мелочи.

– Вы приходите сюда глубокой ночью и увидите, что здесь творится. Тут интересно, и страстным людям здесь есть где проявить свои чувства сполна...

Она пожалела, что зашла сюда.

– Вы чрезмерно болтливы для бармена, – заметила Юля, швыряя на стойку деньги. – И непонятно, почему набрасываетесь на людей.

– Должно быть, – ухмыльнулся он, – от скуки...

Наверху было жарко, солнечно, душно. Юля вернулась в магазин, где ее уже ждали. Высокая статная девица в крас-

ном открытом сарафане вежливо поздоровалась с ней. Света представила подругу:

– Ира.

Но Ира не рассказала ей ничего нового, потому что и сама не помнила, откуда узнала и кто сказал ей о том, что последнее время Катя Уткина жила в Москве.

– Это называется «шоколадный вариант», – вдруг вспомнила она чужое определение, относящееся к образу жизни Уткиной. – Это когда ничего не делаешь, а тебе за это бабки платят.

– Не поняла, – заинтересовалась Юля. – Как это ничего не делаешь? Вы имеете в виду проституцию?

– Ну уж нет, Катя не из таких. Хотя она довольно эффектная, когда приоденется, и ее можно принять за эту самую... Но она не проститутка и никогда бы на это не пошла. Она всегда хотела семью и страдала, что у нее нет денег, чтобы завести ребенка.

– А вы ничего не слышали про парня, которого зовут Олег?

Но Ира ничего не слышала. Получалось, что визит в магазин ничего не дал. Разве что она узнала в общих чертах, что представляла собой Уткина.

Юля вернулась в агентство, где на крыльце обнаружила заплаканную Наташу Зиму. *Только этого мне не хватало.*

– Я же сказала тебе...

– Юля, но ведь я же ничего такого не сказала... Я подума-

ла, что Женька ко мне пришла, поэтому так и разговаривала с ней. Ну прости меня, дуру...

– Нет, Наташа, прошу тебя, не надо устраивать сцен...

Юля как могла подавляла в себе захлестнувшую ее от одного вида опухшего лица Наташи волну благотворительности; ей не хотелось, чтобы Зима работала с ней, не хотелось видеть ее каждый день, как напоминание о ее близости с Игорем Шубиным, с которым Юлю так много связывало...

– Он все равно любит тебя, хотя и живет со мной. Ты думаешь, я не понимаю, почему ты меня уволила? Да тебе был нужен только повод. И если бы на моем месте был кто другой, ты даже не обратила бы внимания на эти слова. Женя Рейс – моя хорошая знакомая, и я имела право разговаривать с ней в таком тоне...

– Да, Наташа, ты права. Я не хочу, чтобы ты работала у меня. И поскольку я хозяйка этого агентства и мне никто не указ, я прошу тебя больше не приходить сюда, не показываться мне на глаза. И уж во всяком случае мои отношения с Шубиным тебя уж точно не касаются.

С этими словами Юля поднялась на крыльцо, достала из сумочки ключи и открыла дверь. Наташа смотрела на нее с ненавистью. Хлопнула дверь – Юля окунулась в полосатый от жалюзи полумрак своей территории, прохладной, просторной, без посторонних звуков и запахов. И ей не было дела до Наташи, оставшейся за дверью.

Глава 2

7. Москва, Гел

Ей нравилось, когда мужчины смотрели на ее тело, которое змеей извивалось в свете мощных прожекторов, постепенно сбрасывая последние фрагменты кожи – невидимого полупрозрачного одеяния в блестках. Костюм стриптизерши сложен, он держится, кажется, одним воздухом или невидимыми нитями, которые рассыпаются при определенном движении, и тогда Гел предстает перед распаленной толпой пьяных мужчин во всей своей жестокой плотской красоте...

Однажды Гел избивали. После представления. Когда она возвращалась домой на Софийскую набережную. Сначала ее попытались изнасиловать трое пьяных и злых подростков, которых она «завела», танцуя на сцене, но потом, когда услышали из ее разбитых, окровавленных губ (ее одним ударом по лицу повалили на асфальт и задрали подол платья) шквал отборного мата, поостыли и стали бить ее ногами... Этих подростков вычислил «вышибала» Валера. На другой день, когда эти трое явились в бар как ни в чем не бывало, Валера по очереди распял каждого в мужском туалете, а бездыханные тела выволок на улицу, прямо под проливной дождь. Больше этих молокососов в баре «Черная лангуста» никто

не видел. А Гел пришлось на время покинуть сцену и залечивать, зализывать свои раны. Она почти месяц провалялась с бинтами на лице на кровати в своей тихой квартирке на Софийской набережной, устремив утомленный, казалось, самой жизнью взгляд на экран телевизора и пытаюсь понять, почему все складывается именно так, а не иначе...

Раньше ее звали Галя Елистратова. Отличница, спортивная и ловкая девочка, она всегда нравилась мальчишкам. Ранний брак – ей 16, «зеленому» мужу – 18 – отравил все представление о мужчинах, которых она с тех пор воспринимала не иначе, как генетических эгоистов, бездельников, живущих за чужой счет, да к тому же еще и дурно пахнувших необузданных самцов. Она возненавидела своего мужа Артура до такой степени, что однажды вылила ему на голову холодные постные щи и наслаждалась тем, как коричневые разваренные фасолины падают одна за другой с его мокрой головы ему на грудь... Он нигде не учился, не работал и постоянно тянул с матери Гали деньги то на сигареты, то на пиво, то на презервативы. Детей он не хотел и говорил, что они – отравы жизни. Галя рассталась с ним спустя полгода и после его ухода обнаружила, что их с матерью попросту обобрали: Артур унес их не бог весть какие шубейки, серебряный антикварный половник, фарфоровую плетеную корзину с фруктами, доставшуюся Галиной матери от любовника-немца, две большие пуховые подушки и собрание сочинений Фейхтвангера.

Галя выучилась на парикмахера, устроилась в небольшой салон красоты, где ее и заметила Лиза Воропаева – энергичная молодая дама, устроительница местных конкурсов красоты. «Теперь ты будешь Гел, так звучит интереснее, да и мужики будут сразу западать...» Лиза привела Галю к себе домой, собственноручно перекрасила ее русые волосы в черный цвет, показала, как правильно накладывать макияж, надела на нее свое вечернее платье и в тот же вечер отдала ее на растерзание одному из спонсоров грядущего конкурса красоты... Его звали Саша, Александр Григорьевич Белевитин – директор деревообрабатывающего предприятия. Он повез Галю к себе домой. «Не Белевитин, а блевотина», – так отозвалась о нем Галя наутро, когда явилась перед Лизой с подбитым глазом. Весь ее гордый вид говорил о том, что Лиза ошиблась в своей питомице. «Я – не проститутка!» – с этими словами высокая и стройная Гел, с растрепанными пышными черными волосами и размазанной тушью на глазах, наотмашь ударила Воропаеву по лицу и неспешной походкой покинула начинающую сутенершу и мошенницу. «Встретимся, – услышала она за спиной. – Город маленький».

Но они так и не встретились. Гел работала на дому парикмахершей, стригла и делала прически, делала маникюр и педикюр, пока ей настолько не надоела ее работа и та грязь и вонь, являвшиеся частью ее профессии, что она согласилась поработать стриптизершей в одном из центральных городских ресторанов. Условия были оговорены заранее, но,

однако, исполнялись в одностороннем порядке. За то, что Гел не соглашалась проводить время с богатыми и постоянными клиентами, люди из охраны хозяина ее сначала избili прямо в подъезде дома, где она снимала комнатку (мама Гел умерла неожиданно от саркомы, а квартира, оказывается, принадлежала отчиму Гел, свалившемуся как снег на голову и выставившему падчерицу на улицу), а потом изнасиловали вдвоем бесчувственную, с разбитым лицом и сломанной рукой...

И снова ей пришлось лечиться, приводить в порядок лицо и выбитые зубы. Она смертельно ненавидела мужчин и начала уже подумывать о том, чтобы организовать женскую общероссийскую партию. Но случилось так, что ноги сами привели ее на биржу. Она мечтала о чистой, но приносящей хорошие деньги работе, не связанной ни с грязными волосами, ни ногтями, ни ядовитой краской... И она ее получила. Неожиданно. После трехмесячного хождения «по мукам»... Теперь у нее всегда были деньги, кроме того, исполнилась ее давнишняя и казавшаяся несбыточной мечта жить в Москве. Единственно, что омрачало ее в общем-то вполне благополучную жизнь, это условие ее хозяина – она должна работать в этом ночном баре стриптизершей до тех пор, пока не явится некий человек и, как добрый волшебник, не снимет с нее, как со сказочной принцессы, это заклятие... И тогда она будет свободна. Совершенно свободна. Но этот человек, сказали ей, может появиться у нее завтра, а может, и через

несколько лет... В надежном месте хранился и конверт, который она должна будет ему передать. В другом, не менее надежном месте была спрятана и фотография этого человека с внешностью киноактера – брюнета с голубыми глазами. Зато, что она ждала его в Москве вот уже больше года, время от времени подписывая не глядя какие-то бумаги, которые ей привозил ее работодатель, Гел и платили деньги, переводя их на ее счет в одном из московских коммерческих банков.

Ее хозяина, на которого она молилась, звали Михаилом Семеновичем.

8. Разгромленная квартира

Прохладный кабинет отрезвлял, отгонял все мысли о том, как она проведет сегодняшнюю ночь. После того как Дмитрий закончит свою работу в ресторане, они поедут к нему, заберутся в ванну вместе с бутылкой ледяного шампанского и будут радоваться жизни...

Раздался звонок. Это был Шубин. Бесцветным голосом предложил ей приехать на квартиру Уткиной, в которой он находился вот уже больше часа.

– Ты хочешь мне что-то показать? Ты нашел что-нибудь интересное?

– Ровным счетом ничего. Это-то меня и удивляет. Квартира словно нежилая... Приезжай, посмотришь сама. Кроме того, Виктор Львович просил прийти тебя к следователю, у тебя будет возможность наедине переговорить с Олегом Хмарой. Ты рада?

– Безумно. Хорошо, я еду к тебе, диктуй адрес...

Она уезжала, оставляя агентство без присмотра, и ни одной души у телефона. А вдруг кто-нибудь позвонит? Или по делу Уткиной, или новый клиент?

Звения ключами, она быстрой походкой вышла из поме-

щения и уже на крыльце была накрыта влажным и горячим покрывалом городской духоты и жары. Каково же было ее удивление, когда она снова увидела Наташу.

– Послушай, – Юля подошла к ней, сидящей на раскаленных ступеньках крыльца, и непроизвольно провела рукой по ее горячей голове. – Разве так можно? Что ты здесь делаешь? Неужели тебе на самом деле так важно находиться тут? Ведь Игорь прокормит тебя, он, как и любой другой нормальный мужчина, не против того, чтобы его женщина не работала. В чем дело, Наташа?

Но вместо ответа Зима, как маленькая девочка, кинулась на шею Юле и разрыдалась. Она так и не сказала ни слова.

– Ладно, иди туда, прими душ и садись за телефон. Только впредь веди себя нормально и не отпугивай клиентов. Да, вот еще что: скажи своим подружкам, чтобы они не приходили сюда без надобности, чтобы не отвлекали тебя, договорились?

Но Наташа, как распаренная сомнамбула, уже скрылась в спасительной прохладе офиса.

Юля села в машину и поехала на Садовую улицу, где жила Катя Уткина.

– Представляешь, – встретил ее в дверях квартиры Игорь, – я не нашел ни одной теплой, зимней ее вещи, ни шубы, ни пальто, ни сапог... Разве это не странно? То, что у нее были кое-какие средства, я понял – все-таки недавно отгрохала ремонт. Пусть даже и скромный, но все равно сейчас

это дорого. Ты походи по квартире, посмотри, такое впечатление, будто она приехала сюда лишь на время. И ни одного документа... Я звонил Корнилову, думал, может, его люди забрали ее паспорт и прочее, ведь я не нашел даже медицинского полиса, ничего совершенно...

– И что Корнилов? – Юля медленно двинулась в глубь квартиры, осматривая находящуюся в страшном беспорядке квартиру. Отремонтированная и чистенькая, она, однако, была осквернена чужим присутствием, вероятно, убийцы, потому что все, что хранилось в ящиках кухонных тумб, письменного стола, шкафов, – все это было вытряхнуто на пол и растоптано, раздавлено, разбито... А если еще учесть, что здесь, в комнате, вокруг места, очерченного мелом, где обнаружили труп, носилось целое стадо работников правоохранительных органов, затоптавшее все свободное пространство, да подсохшую и потемневшую лужу крови, то трудно себе представить более унылую и чудовищную по своим краскам картину разыгравшейся здесь трагедии.

– Корнилов говорит, что его люди не нашли ни одного документа. Спрашивается, зачем преступнику было забирать их оттуда, он, что же, думал, что ее не опознают?

– Дело в том, что если Уткина жила здесь постоянно, то у нее должно быть довольно много самых разных документов: сберегательная книжка, лицевой счет, телефонные квитанции и прочее... А вот если она жила в другом месте, а эту, теткин, квартиру использовала лишь для свиданий, то

здесь бесполезно что-то искать. Когда Корнилов назначил мне встречу с Олегом?

– В десять. У тебя еще два часа.

Юля между тем осмотрела всю кухню, порылась в куче хозяйственного хлама, рассыпях пшена и макарон, заглянула в ванную комнату, где обнаружила в корзине с мусорным бельем джинсовые шорты. Сунув руку в карман, достала оттуда клочок бумаги, оказавшийся при ближайшем рассмотрении обрывком квитанции прачечной «Диана». В нижнем углу квитанции крохотными цифрами был проставлен номер телефона прачечной – *семизначный*.

– Я позвоню... Узнаю, какой это район...

– Ты думаешь, что это Москва?

– Уверена... Смотри, номер довольно хорошо сохранился.

Юля подошла к телефону и набрала код Москвы. Соединили быстро. Трубку взяла женщина. Было такое впечатление, что говорят прямо в комнате, настолько чистый и громкий шел звук.

– Это прачечная «Диана»?

– Да, но мы закрываемся... Что вы хотели узнать?

– Адрес вашей прачечной.

– Садово-Сухаревская, 28.

Женщина положила трубку. Юля задумалась.

– Надо поговорить с соседями. Предлагаю тебе этим за-

няться, а я поеду к Корнилову. Может, мне удастся побеседовать с Олегом пораньше? – Ей не терпелось снова оказаться в полумраке ресторана «Охотничий», чтобы увидеть одухотворенное лицо и длинные пальцы своего любимого гитариста...

– А что с Наташей?

– Она просидела у меня на крыльце, на самом, заметь, солнцепеке, лишь бы вернуться обратно... Она упрямая как бычок. И я сжалилась над ней и взяла ее обратно. Как ты думаешь, зачем ей эта работа? Она не видит в тебе настоящего защитника, мужа, кормильца наконец? Ты для нее – сама ненадежность?

– Она хочет находиться рядом с тобой, – выдал Наташину тайну Игорь и покраснел. – Ей, правда, хочется работать не секретаршей, она мечтает, чтобы ты поручала ей более серьезные вещи...

– Ты намекаешь, что она пасет тебя? Вернее, нас?

– Похоже на то.

– А ты-то к ней сам как относишься?

– Никак... Я бы хотел, чтобы все вернулось, чтобы мы были вместе. Даже согласен на звонки Крымова. Но не больше...

– Но у меня другой мужчина, ты же знаешь...

– Знаю и не понимаю.

– Ладно, так можно говорить бесконечно. Ты – муж Наташи, я – свободная женщина, на этой оптимистической но-

те и разбежимся. Поговори с соседями, а я поеду к Виктору Львовичу. Забыла тебе сказать – была в магазине, где работала Уткина полгода тому назад. Знаешь, ничего о ней не узнала. Только время потратила.

Она поймала взгляд Игоря и отвернулась. *Мне приятно, когда он на меня смотрит. Я хочу, чтобы он на меня смотрел.*

Юля тряхнула головой, чтобы избавиться от наваждения: ей показалось, что время остановилось и что Наташа Зима и их скоропалительный с Шубиным роман – все это лишь приснилось...

9. Белые лилии

– А где ваша жена? – спрашивала Женя, лежа на постели рядом с Михаилом Семеновичем и с содроганием чувствуя, как он поглаживает ее бедра.

– Она умерла, – без эмоций ответил Бахрах, продолжая свои утомительные ласки. – Скажи мне, Женечка, я тебе хотя бы немного нравлюсь?

Это была уже их вторая встреча. Первая закончилась невинным поцелуем в постели, куда он все-таки затащил Женю и осмотрел ее, как врач пациента с головы до пят. «Может, он хочет, чтобы я родила ему наследника?» – промелькнуло в голове Рейс, но уже очень скоро эта мысль оставила ее. Михаил Семенович дал ей пятьсот долларов и назначил второе свидание. «Купи себе красивое платье и белье», – сказал он, целуя ее на прощанье уже в передней.

Пятьсот долларов за то, чтобы походить в голом виде перед стариком, да еще поесть в свое удовольствие и выпить – почему бы и нет? Женя была уверена, что имеет дело с импотентом, а потому даже обрадовалась такому, облегчающему ее задачу, целомудренному общению. Но на всякий случай она решила отправиться к своей подружке Наташе Зиме, чтобы спросить совета относительно того, как ей поступить, даже не у самой Наташи, а у ее хозяйки – Юлии Земцовой, известной в городе личности и, по словам же Наташи, очень

обаятельной женщины.

Ей казалось, что такая неординарная личность, как Земцова, много чего повидала в жизни, а потому обязательно подскажет ей, как правильно поступить и, главное, как относиться к таким щедрым подношениям. Кроме того, она была почти уверена в том, что Земцова знакома с Михаилом Семеновичем, но это уже балансировало на грани интуиции – ей казалось, что все состоятельные люди города более-менее знакомы друг с другом. И только, когда она уже пришла в агентство, увидела Наташу и услышала сквозившую в ее голосе неприкрытую иронию, Женя вдруг поняла, какой дурой выставляет себя перед этими благополучными и чистенькими женщинами. Сгорая от стыда за свой поступок, который с каждой минутой казался ей все глупее и глупее, она, не помня себя, сбежала оттуда, даже не успев раскрыть рта, поклявшись в душе никогда туда больше не возвращаться. Ее связь с Михаилом Семеновичем показалась ей в ту минуту пошлой и грязной, как и вся ее неудавшаяся жизнь с вечным безденежьем, поисками работы и чередой сплошных унижений. *И им, этим двум дамочкам, конечно же, не понять, думала она, давясь слезами в автобусе, что движет другими женщинами, ложившимися в постель с такими вот странными, но богатыми Михаилами Семеновичами. У них есть деньги, приличные мужья или любовники, относящиеся к ним с уважением. А у нее, у Жени, нет ничего...*

Она вернулась в реальность. Кажется, ее о чем-то спросили... *Ах да... Нравится ли он мне?..*

– Да, нравиться, конечно...

– Хочешь, я принесу тебе вина? Холодного, полусладкого, фантастического, которое ты никогда не пила?

Михаил Семенович встал, быстрым движением накинул на себя простыню и завернулся в нее, стесняясь своей наготы.

Женя утвердительно кивнула. Он принес бутылку, фужеры, разлил вино.

– Предлагаю выпить за наш союз... Боюсь только, что ты со мной не искренна. Понимаешь, – он вдруг привлек ее к себе, и она почувствовала, как под простыней у него все напряглось, – я мог бы взять тебя еще в прошлый раз, я здоровый мужчина, у меня нет никаких проблем в этом плане... просто я сдерживаюсь... Но мне хотелось бы, чтобы ты сама пожелала этой близости...

Женя, решение которой менялось настолько часто, насколько менялась тема разговора, никак не могла выбрать: остаться ли ей и терпеть тело Михаила Семеновича, получая за это деньги, и в перспективе сделаться настоящей его любовницей, чтобы вместе с ним путешествовать, вести какие-то общие дела, стать ему другом, наконец своим человеком, или же уносить отсюда ноги, пока отношения не зашли настолько далеко, чтобы ее истинные чувства не могли вызвать с его стороны реакцию в виде оскорблений или даже

пощечин.

– Но если вы, как утверждаете, здоровый мужчина, то зачем же сдерживаться, – набралась она храбрости сказать ему это в лицо, чтобы выяснить, почему она здесь. – Я пришла к вам... Вы щедро одариваете меня, но вместо того, чтобы делать то, ради чего вы меня сюда и пригласили, вы говорите мне о каких-то непонятных вещах. Мы же взрослые люди...

После ее слов Михаила Семеновича словно подменили. С его лица исчезло напряжение, оно приняло свою естественную форму и выражение, в глазах появился блеск и даже злость, и Женя испугалась, когда он, резким движением ухватив ее за бедра, подтянул к себе. Все произошло настолько неожиданно, что Женя даже не успела закричать...

Она вернулась и села в кресло. Щеки ее пылали, а голова кружилась.

Бахрах, как древний римлянин, обернутый простыней-тогой, с фужером вина в руках сел напротив нее и улыбнулся. Улыбка вышла ненатуральной, жесткой. *Он явно собирается сказать мне нечто нелицеприятное*, подумала она.

– Ты хочешь откровенного разговора? – услышала она и невольно кивнула головой. – Изволь.

Он задумчиво посмотрел на нее сквозь золотистое вино и вздохнул:

– Понимаешь, мне нужна такая женщина, которая решилась бы для меня на нечто неординарное, что сделало бы ме-

ня по-настоящему счастливым...

– Неординарное? Но что? – мысли одна нелепее другой начали вползать в голову: он – маньяк, бисексуал, зоофил, некрофил?..

– Это связано с твоим телом... – бросил он ей подсказку. – Мне очень нравится твое тело, ты очень хорошо сложена, но в нем не хватает одной детали, которая особенно возбуждала бы меня...

– Татуировка?

– Нет, боже упаси! – замахал он руками. – Какая пошлость! Нет, нет!

– Но что же тогда? Вас... То есть я хотела сказать, тебя не устраивает размер моей груди? Может, кольцо на пупок? – она вдруг нервно расхохоталась. – Или, может, мне поменять пол?

– А почему бы и нет? – тихо заметил он. И тут же, широко улыбнувшись: – Я пошутил...

Он нежно поцеловал ее в висок и шлепнул по бедру.

– Ну вот, на сегодня пока и все. Тебе пора домой. Выспись хорошенько, подумай о том, что я тебе сказал...

– Но ведь вы же ничего не сказали... – протянула она разочарованно и даже развела руками.

– Все равно подумай. А я позвоню тебе.

На этот раз ее почти выставили вон. И когда? В тот момент, когда она почувствовала рядом с собой сильного мужчину.

Женя вернулась домой мрачнее тучи.

Но Михаил Семенович не позвонил ни на следующий день, ни через неделю. Деньги, которые он дал ей во вторую встречу, почти все были целы: Женя научилась жить малыми средствами и на всем экономила. Когда же она, наконец, услышала в трубке его голос, ее прошиб пот. И она поняла, что хотела этого мужчину все эти дни. Этого немолодого и пахнущего сырым хлебом мужчину, почти безволосого, но сильного как в любви, так и в жизни. Она была в этом уверена. И что все ее бессонные ночи – лишь отражение ее взбунтовавшейся плоти. *Я – геронтофилка. Я пропадаю. Я сошла с ума.*

Ее постигло страшное разочарование, когда Михаил Семенович позвонил, чтобы извиниться перед ней и сообщить, что он уезжает на полгода за границу. Это был удар ниже пояса. Однако спустя четверть часа, во время которых Женя пыталась понять, что же такое произошло и чем же она так испугала, отвратила от себя Бахраха в их последнюю встречу, в дверь неожиданно позвонили. Пришел посыльный и принес ей роскошный букет белых лилий. Их нестерпимо сладкий аромат ударил в нос, и Женя разрыдалась. В букете она нашла записку, читать которую не могла из-за слез. Когда дрожащие от нетерпения пальцы ее развернули крохотную открытку, она прочла: «Разденься и жди». Все было как в романе. Михаил Семенович появился вслед за букетом. Свежий, надушенный, в красивом дорогом костюме и с так

полюбившимся ей злым блеском в глазах.

...Он исчез из ее квартиры так же неожиданно, как и пришел. Женя осталась лежать на постели среди скомканных простыней, раскрытых коробок с конфетами и мятых подушек с пятнами от раздавленных ягод земляники... Это был пир чувств, пир наслаждений... Михаил Семенович, оказывается, никуда не уезжал, он просто хотел проверить ее чувства. На столе она нашла доллары. *Я не только геронтофилка, но еще и проститутка.*

Сделав это открытие, она крепко уснула и проспала до полуночи.

10. Шоколадный вариант

Олег Хмара выглядел усталым, лицо его осунулось, глаза ввалились, а рот был плотно сжат. Красивый парень, чем-то неуловимо похожий на свою мать.

Корнилов сам лично договорился со следователем прокуратуры, который вел дело Олега, чтобы Земцова попыталась хотя бы что-нибудь вытянуть из него.

– Моя фамилия Земцова, зовут Юля. Меня наняла ваша мама, чтобы я помогла найти убийцу Кати.

– Я знаю, – вперил вдруг он в нее тяжелый насмешливый взгляд, – интересно, и как это вы будете искать?

– Если будешь разговаривать в таком тоне и смотреть на меня, как на своего врага, я откажусь от работы и дело будет вестись исключительно официальным путем, без альтернативы, понял?

Юля сидела неподвижно, следя за взглядом Олега Хмары. Ей показалось, что он все понял, хотя по-прежнему продолжал молчать.

– Я тебе помогу. Давай начнем с самого начала. Где ты познакомился с Катей и когда?

– Хорошо... Я вам скажу. Я знаю ее давно. Мы встречались, когда она работала продавцом в коммерческом ларьке. Она страшно переживала по этому поводу и не переставала твердить, что мы с ней не пара. Когда это было? Больше го-

да прошло. Но Катя мне нравилась, всегда нравилась, и вот когда месяц тому назад она снова появилась в городе...

– Она уезжала?

– Да, она, можно сказать, тогда сбежала от меня. Мы должны были встретиться около театра, я даже взял билеты, но она не пришла. Я знал, где она живет, приехал, долго звонил, но вышла соседка и сказала, что Катя еще днем вызвала такси и куда-то уехала с чемоданом. Конечно, я мог бы найти людей, через которых можно было бы узнать, не значится ли ее фамилия в списках уехавших на поезде или улетевших на самолете в тот день, но я этого не сделал... Вы не представляете себе, как я сейчас об этом жалею.

– Но почему? Ведь если девушка не является на свидание, а соседка говорит, что видела ее отъезжающей на такси с чемоданами, значит, эта самая девушка не захотела с вами встречаться. И вы вовсе не должны были искать ее таким изощренным способом.

– Но ведь я понял, почему она уехала.

– Послушайте, Олег, Катя уехала из Саратова не из-за вас, а по каким-то своим причинам, о которых вы, возможно, и не догадываетесь. Я, собственно, для того к вам и пришла, чтобы выяснить, куда могла уехать Катя и почему на месте преступления мы нашли билеты из Москвы в Саратов. Она была в Москве все это время?

– Кажется, да...

– Хорошо, давайте вернемся на месяц назад. Итак, вы вне-

запно встречаете ее. Где?

– Да на улице! Только я ее сначала не узнал. Она здорово выглядела. Просто шикарно. И одета была, и вообще... Но в душе она, слава богу, не изменилась и искренне обрадовалась встрече, мы даже обнялись и целый вечер гуляли по набережной. Потом зашли в кафе. Это было замечательно...

Юля слушала его и не могла понять, почему этот в общем-то разговорчивый и милый парень наотрез отказывался разговаривать со следователем.

– Она сама рассказала про Москву?

– Нет, я у нее выпытывал каждый день по капле. Никак не хотела говорить, где живет и что там делает.

– Так все-таки в Москве, – покачала головой Юля. – Прачечная «Диана»...

– Что? Какая прачечная?

– Это я о своем. И что же вам рассказала Катя о своей жизни в Москве? Как она там оказалась? Где жила? Кем работала?

– Вот и меня это тоже интересовало больше всего. Я знал, что она осталась без работы, что ей было трудно, и когда узнал, что она жила в Москве, где у нее ни родни, ни друзей, это я точно знаю... сами понимаете, о чем я подумал.

– Подумали, что Катя работала там на Тверской? Зарабатывала легкие деньги?

– Но вы бы видели ее одежду! Ее серьги с сапфирами и бриллиантами! Катя – простая девушка, швея, которая тол-

ком не умеет шить. И вдруг – такой прикид! Ремонт сделала...

– И как же она вам все это объяснила?

– А вот этого я вам сказать не могу. Я потому и молчал все это время, что слово ей дал никому и ничего не говорить про ее жизнь в Москве. А уж когда узнал, что ее... убили, то тем более испугался...

– Уже за себя только?

– И за себя тоже, – признался он. – А что делать? Ведь если я расскажу, то те люди, на которых она работала, вычислят, откуда идет информация, и сделают со мной то же самое, что и с Катей.

– Но если вы не расскажете хотя бы *мне* всю правду, то за ее убийство посадят вас, – сгустила краски Юлия. – Дело в том, – блефовала она, используя те сведения, которые почерпнула из разговора с Чайкиным, – что незадолго до убийства Катя была изнасилована...

– Что? – Олег побелел. – Как это... «изнасилована»? Я первый раз слышу.

– У меня в сумке, вот здесь, – она похлопала рукой по сумке, – лежит заключение судмедэксперта... Кроме того, у прокурора имеется разрешение на взятие у вас соответствующих анализов... Вы понимаете, о чем я?

– Господи, какой ужас... Но ведь я же ее не насиловал, все было не так... Какая гадость...

– Где вы были с Катей?

– Не скажу. Я и вам теперь ничего не скажу, – он весь как-то съежился, нахохлился и замолчал.

– У вас есть время, Олег. Я не хочу на вас давить и понимаю ваши чувства. Но если Катя замешана в какой-то темной истории, куда боитесь влипнуть и вы, то ее смерть в полной мере закрывает для вас эту тему, и я не понимаю, чем вы так напуганы. Даже если предположить, что Катю убили в связи с теми событиями, которые последовали после того, как она переехала в Москву, то при чем здесь вы? Другое дело, если она передала вам секретную информацию...

И вот здесь Юля поняла, что задела больной нерв Олега. Он обхватил руками голову и со стоном принялся раскачиваться из стороны в сторону.

– Вот вам мой телефон... Со мной можно связаться через Корнилова Виктора Львовича...

Он поднял голову – в глазах его стояли слезы:

– Как там мама?

– Переживает.

– Передайте ей, что я... Вернее, ничего ей не передавайте...

– Да, вот еще что... – Юля позволила себе очередной блеф. Ей просто необходимо было выяснить все о Кате. – Дело в том, что если вы что-либо знаете, то учтите, что информация просачивается и сквозь тюремные толстые стены и вас при желании могут достать и здесь. Так что подумайте, что вам выгоднее: все рассказать, довериться мне, чтобы

я смогла при помощи правосудия обезвредить людей, причастных к смерти Кати, и таким образом спасти вас, или же молчать, рискуя быть задушенным в камере...

– Вы пугаете меня?

– Нет, просто я нахожусь по вашей милости в полном неведении и не могу начать расследование... А если же окажется, что перед смертью Катя была с вами в близких отношениях, то вам будет очень трудно отрицать факт изнасилования, ведь на ее теле столько ссадин, гематом...

Юля встала, Олег порывисто кинулся к ней и схватил за руку:

– Я пропал... Я совсем пропал... Не уходите...

– Вы будете говорить?

– Она называла это «шоколадным вариантом»...

Юля удивленно вскинула голову и вдруг повторила чужие слова:

– «Это называется „шоколадный вариант“... Это когда ничего не делаешь, а тебе за это бабки платят». – И добавила уже от себя: – А потом тебя режут как поросенка...

...Она заглянула к Корнилову, чтобы рассказать ровно столько об Олеге Хмаре и Кате Уткиной, сколько положено знать старшему следователю прокуратуры, работающему в паре с частным детективом, а именно: то, что Олег занимался любовью со своей подружкой Катей Уткиной в тот вечер прямо в подъезде ее дома, наверху, возле лифтовой шахты

– «для остроты ощущений» (она вспомнила красное лицо Олега и жгучий стыд, который читался в его влажных глазах, когда он рассказывал об этом), и подтвердит, что Катя в последнее время проживала в Москве. Она понимала, что рано или поздно из Москвы придет ответ на запрос прокуратуры о том, была ли зарегистрирована Уткина в столице, и если была, то по какому адресу. Но она пока ничего не расскажет ему о том человеке, на которого «работала» Катя. И хотя Олег не знал его имени, а по словам Кати выходило, что это мужчина в возрасте, проживает в Саратове и что Катя какое-то время являлась его любовницей (несчастливая девушка решила все выложить своему жениху перед свадьбой, к которой они уже начали готовиться и даже купили кольца), все равно, опрашивая ее окружение, можно было бы попытаться его вычислить. А если вычислить этого человека и проследить нити, связывающие его с Москвой, то рано или поздно станет ясно, кто и за что убил девушку. Если, конечно, ее смерть не была случайной...

Виктор Львович был мертвецки пьян. Он помахал ей обессиленно рукой и кивнул на стул. Она вздохнула и села.
Напился. С чего бы?

– Виктор Львович, я, наверное, завтра к вам загляну... Вы, я вижу, устали...

– Земцова, я не устал, я просто счастлив... У меня сегодня праздник! – он расплылся в блаженной и глупой улыбке.

– День рождения? Сегодня? – Ей казалось, что день рождения у него зимой.

– Сирота...

– Кто сирота?

– Мы поймали Сироту. Эх ты, Земцова! Не знаешь, кто такой Сирота. А вот Женька знал и даже был знаком с ним лично. Колоритная фигура.

Ей не нравилось, когда ее сравнивали с Крымовым. Мало ли с кем был знаком прежний хозяин агентства, и вообще, он мужчина, к тому же прежде работал у Корнилова, почему бы ему не знать какого-то там Сироту.

– Это киллер, детка. Матерый, старый и очень опытный киллер. И я его взял. Сегодня. Вот этими руками.

– Поздравляю, – сказала Юля без особого воодушевления. – Надеюсь, теперь в нашем городе будет поменьше убийств... Он случайно не признался в том, что убил Катю Уткину?

– Нет, эта мишень не для Сироты. И работал он, если, конечно, это можно назвать работой, не у нас, а по всей стране... Спокойный красивый человек, мне было приятно с ним пообщаться... через решетку... ха-ха-ха! Мы сорвали покушение на одного нефтяного магната, который приезжал в наш город к своим друзьям. Вышел человек из самолета в сопровождении охраны, даже не подозревая, что его жизнь находится на волоске и зависит лишь от сноровки моих ребят... Сирота засел на крыше аэропортовской гостиницы, и

мои ребята сняли его как раз в тот момент, когда он целился в этого Марфуту...

– Марфута? Это кто?

– Тебе необязательно знать. Операция проходила в режиме строгой секретности, и этот человек так ничего и не узнал, кому он обязан жизнью. Хотя там, в верхах, где они будут пить водку вместе, кто-то не выдержит и расскажет ему о том, как было предотвращено убийство. И все лавры, само собой, припишет себе. Ну и хрен с ними. Хочешь выпить?

– Виктор Львович, вы ведь посылали запрос в Москву, – Юля решила повременить с серьезным разговором, а потому просто так, на всякий случай задала этот вопрос, не рассчитывая получить сколько-нибудь вразумительный ответ. – Вам ничего не прислали по Уткиной?

– Прислали. Вон, на столе, посмотри...

Юля среди вороха бумаг нашла коричневый конверт с характерным фиолетовым штемпелем и достала оттуда белый плотный лист бумаги. Она поняла, что письмо Корнилову привезли с оказией, оно не шло почтой. Отсюда – такая завидная оперативность.

Она быстро пробежала глазами текст. Оказывается, Катя Уткина являлась жительницей Москвы и проживала в собственной квартире на Садово-Сухаревской улице.

Прачечная «Диана» находилась по тому же адресу. Теперь не оставалось никаких сомнений в том, что Катя действительно жила в столице, в своей квартире и наверняка пользо-

валась услугами прачечной «Диана». Спрашивается, кто тот человек, который дал ей такую возможность, и что потребовал взамен? Это был, пожалуй, основной вопрос, ответив на который можно было бы найти убийцу... *Кто он? Кто?*

Попрощавшись с засыпающим за столом Корниловым, Юля поехала в агентство. Наташа ей тут же доложила:

– Звонила Хмара, мать Олега, спрашивала, удалось ли нам что-нибудь выяснить. Она очень переживает за сына... Кстати, она сказала, что сегодня вечером готова заплатить, что она собрала всю сумму...

– Вот с этого и надо было начинать. Позвони ей и скажи, что я жду ее прямо сейчас. Тем более что мне есть что рассказать ей об Олеге, ведь я с ним встречалась. А больше никто не звонил?

– Звонил, – Наташа смотрела на нее насмешливым взглядом, пытаясь не пропустить реакцию Земцовой на ее слова: – Мужчина. Он не представился. Спросил только тебя и сказал, что перезвонит. Может, клиент?

– Может, – отрезала Юля и ушла к себе в кабинет поджидать Хмару.

11. Сон

В тот вечер, когда она вместе с Дмитрием возвращалась из ресторана, Юля вдруг поняла, что ей очень мало надо от жизни. Вот так идти, сплетаясь руками, по прохладной, остывшей от дневной жары, улице в предвкушении любви, и все. Слабый ветер обвевал ее горячую голову. Синий асфальт жирным блеском отражал мигающий совиный глаз светофора. Они остановились, Дмитрий, худощавый высокий мужчина, черноволосый, с сильными руками, прижался к ней и нашел губами ее губы.

...Ее разбудил звонок. Телефонный. Не открывая глаз, она слышала голос Дмитрия, раздраженно, усталым голосом разговаривавшего с невидимым собеседником. «Нет, я же сказал, что не приду. Нам с тобой не о чем разговаривать. И зачем ты звонишь мне так поздно? Да, я по-прежнему работаю в ресторане, ну и что? Я сам сделал этот выбор. И меня все устраивает. Я ем из тарелок, которые покупала моя мать, я сплю на кровати, на которой закрыл ей глаза, и мне больше ничего не надо. Это ты всегда гнался непонятно за чем... Послушай, это не телефонный разговор. Да, я думаю, что наш разговор сейчас кто-нибудь подслушивает. У них там целый штат. Поэтому не звони мне. Я не хочу, чтобы люди думали, что у нас с тобой может быть что-то общее, кроме крови. Да и вообще, о крови... Не хочу, и не звони мне...»

Между словами зияли, как открытые кровоточащие раны, паузы молчания, во время которых Дмитрий кого-то нетерпеливо слушал, спеша как можно скорее свернуть разговор. Она не хотела ни о чем спрашивать, но слова сами вылетели: «Кто это?» Он мог бы и не отвечать, но вдруг повернулся к ней, обнял и прижал к себе, зарылся лицом в ее волосы и поцеловал в висок.

– Это мой отец.

– Отец?.. – она была потрясена, что таким тоном Дмитрий разговаривал не с братом, не с другим кровным родственником, а с самым близким человеком – отцом!

– Да, это отец. Мы с ним совершенно чужие люди, так что не удивляйся... Он сильный человек, он мог бы сделать многое для человечества, потому что талантлив от природы, и все, к чему он прикасался, превращалось в золото. Но он не к тем людям прикасался, не к тем чувствам, не к тем понятиям, и именно этого я ему не могу простить.

– А кто он?

– В том-то и дело, что я так и не понял, кто он. Человек, сломавший жизнь моей матери.

– Он бросил ее и ушел к другой женщине?

– Нет, он просто ушел. Как птица взмахнул крыльями и полетел. И не вернулся. Хотел, видите ли, полной свободы, власти, воздуха... Нравственная сторона отношений между людьми его никогда не трогала. Он всегда делал то, что хотел.

– А что он хотел? – Через отца Юля хотела узнать хотя бы немного о сыне.

– Жить в свое удовольствие.

– Но ведь и все мы грешим этим же, – робко вставила она. – Вот я, к примеру, всю жизнь мечтаю ничего не делать и иметь много денег. Это нормально. Это мечта многих людей, которые боятся признаться даже себе в этом.

– Но я не такой, и мне деньги не нужны.

– Я не верю тебе, и это глупо. Без денег нельзя... – Она похлопала его по плечу и вдруг почувствовала, как оно, это плечо, отстранилось от нее, словно она перепутала плечи и прикоснулась к чужому. Это тем более означало, что разговор стоит продолжить: – На деньги мужчина покупает женщине цветы, содержит ее... – Она уже поняла, что коснулась больной темы, но остановиться не могла. Дмитрий еще ни разу не подарил ей ни цветка, ни духов, ничего такого, что дарят обычно мужчины женщинам.

– Женщина, которая видит во мне лишь источник своего дохода, просто шлюха... Я презираю таких женщин... Ты бы знала, как долго я искал такую, как ты, бескорыстную... нежную...

Юле тут же захотелось одеться. Причем надеть на себя не только платье из тонкой материи стоимостью в полугодовое жалованье своего любовника-гитариста, но и грубую толстую овчину, чтобы укутаться в нее и не слышать этих недостой-

ных мужчины слов. Так некстати пронеслись в голове сцены из их короткого прошлого: вот они ужинают в ресторане, и Юля расплачивается за свой ужин сама, потому что еда для Дмитрия, штатного гитариста, бесплатна; вот она платит за такси, потому что Дмитрий забыл деньги; вот они покупают в магазине продукты – за все платит Юля...

Дмитрий встал, достал сигареты, которые тоже были куплены на Юлины деньги, и закурил.

– Я понимаю, конечно, что моя точка зрения никого не волнует, но я не могу зарабатывать деньги, занимаясь тем, что меня не интересует и что не приносит мне удовлетворения. Я – музыкант и должен заниматься музыкой. Я – не бизнесмен, не политик...

– Но ведь и некоторые музыканты тоже зарабатывают большие деньги, для этого стоит лишь приложить максимум усилий... Да что я тебе говорю, ты и так все знаешь...

– Вот именно, что некоторые. Но это не музыканты, а так – одно дерьмо...

Юля почувствовала, как кровь прилила к лицу. Ей стало стыдно, что она столько дней занималась любовью с человеком, которого совершенно не знала. И сколько за их недолгий роман она совершила ошибок, постепенно и ненавязчиво определив Дмитрию роль альфонса! Даже домашние туфли, в которых он ходил по квартире, были куплены на ее деньги! И кофе, которым он поил утром... И вышитая подушка, на которой она спала, когда ночевала здесь...

Она повернула голову, и взгляды их встретились: Дмитрий ненавидел ее в эту минуту, и она это почувствовала.

– Дерьмо... – прошептал, блестя глазами, Дмитрий. – Кругом одно дерьмо. Ненавижу. Всех ненавижу. Страну, общество, вонючий ресторан, эту кровать и тебя, шлюху, ненавижу...

Юля вскочила и, забыв о том, что раздета, принялась наносить удары руками по лицу Дмитрия. Она размахивалась и опускала ладонь на твердое, словно деревянное, но уже теплое от хлынувшей из носа крови лицо его, затем еще и еще, пока не почувствовала, что лежит на полу, и чьи-то сильные руки пытаются раздвинуть ей ноги. И тогда она, изловчившись, приподнялась и вцепилась зубами в плечо Дмитрия. Он застонал и грязно выругался.

...Она открыла глаза. Это был всего лишь сон... Но какой сон?! А разговор? Он что, тоже приснился? И когда, в какой именно момент явь перешла в сон? Кто из них первым переступил грань и позволил себе высказать правду?

Дмитрий лежал, раскинувшись на постели, и спокойно спал. На лице его не было ни крови, ни следов ударов. И лишь на плече темнело пятно – след от ее укуса. Но это был укус страсти.

– Слушай, у тебя есть отец? – спросила она, немного успокоенная, подбираясь к нему и обнимая. – Или мне все приснилось?

– Есть... Он разбудил нас, разве ты не помнишь?

– Нет.

– Ты сказала во сне, что тебе нужно позвонить какому-то хмырю...

Не хмырю, а Хмаре. Хмара. Значит, мне действительно все приснилось. Да, я думала о ней, о матери Олега. Она снова закрыла глаза и начала вспоминать подробности ее позднего визита в агентство. Лариса пришла и принесла деньги, Юля оформила документы и рассказала ей о встрече с Олегом. О том, что ее сын имел близость с Катей незадолго до ее смерти, она не решилась сказать. Это вызывало бы в матери еще большую волну отвращения к покойной и тревогу по поводу внезапно открывшихся фактов. Ведь, если экспертиза покажет, что Катя была с Олегом, а именно так оно и будет, то Олегу еще сложнее будет выпутываться из этой истории. Поэтому Юля ограничилась лишь информацией о Кате, о ее проживании в Москве, чтобы задать Ларисе вопрос, не знала ли она об этом, не проговаривалась ли Катя и ей о своей столичной жизни. Но нет, Лариса ничего не знала, а потому, едва услышав о Москве, сразу же заклемила Уткину проституткой и разрыдалась.

После ухода Ларисы приехал Шубин и рассказал о своей беседе с соседкой Кати Уткиной. Получалось, что однажды она присутствовала при телефонном разговоре Кати с каким-то человеком, которого она называла «Михаил Семе-

нович». Причем обращалась к нему подчеркнуто уважительно. Это было еще зимой, Катя договаривалась с Михаилом Семеновичем о встрече в каком-то кафе. Соседка из разговора поняла, что это кафе неподалеку от какой-то биржи.

– Я думаю, что слово «биржа» в жизни Кати Уткиной в свое время играло определенную роль, – высказал предположение Шубин. – Все-таки она была неустроенным человеком и всегда нуждалась. Поэтому, если хочешь, я займусь этим вопросом и выясню, к какой именно районной бирже имела она отношение, если вообще имела. Хотя я считаю, что называть такой ориентир, как биржа, сможет далеко не каждый человек. Я вот, к примеру, понятия не имею, где они находятся, потому что ни разу с ними не сталкивался.

– Я тоже, – согласилась с ним Юля. – Больше того, я имею самое смутное представление о том, чем конкретно там могут помочь несчастным безработным. По-моему, там, кроме порции унижения и презрения, ничего не получишь. Разве что жалкие пособия...

– Так люди ради этих самых пособий и ходят туда отмечаться, – сказал Игорь. – Но может статься, что мы ошибаемся, и не Катя, а именно этот самый Михаил Семенович имеет какое-то отношение к бирже. Возможно, это он безработный...

– Но соседка заметила, что Катя говорила с ним уважительно... А что, если этот человек обещал ей помочь найти работу?

– Да запросто. Пообещал, пригласил девушку в кафе, накормил-напоил, а потом... Мы не знаем, состоялась ли вообще эта встреча, но то, что вскоре после этого у Кати завелись деньги, – это точно. Соседка сказала, что у Кати появились хорошие вещи, она стала и ее вырывать небольшими суммами, одалживая с завидной легкостью, словно для нее это не деньги. А потом Катя уехала. Неожиданно, без предупреждения, даже не попрощалась.

– Значит, надо искать этого Михаила Семеновича. Потому что больше у нас на Катю ничего нет. Разве что мне придется поехать в Москву, разыскать ее квартиру и попытаться навести о ней справки уже там, в столице... – Юлия в задумчивости посмотрела на Игоря, испытывая угрызения совести по поводу проворной и живучей как крыса мысли о том, чтобы совместить свою поездку в Москву с небольшим путешествием в Париж.

– Подождем – увидим, – сказал Игорь с ноткой грусти в голосе, и Юлия поняла, что он не хочет уходить, не хочет оставлять ее, не хочет, чтобы после того, как за ним захлопнется дверь, у нее началась другая жизнь, заполненная другим мужчиной. – Ты домой?

В его вопросе прозвучала надежда, которая исчезла сразу после того, как она вместо ответа лишь слабо улыбнулась. Это была улыбка виноватой женщины.

– Опять пойдешь к своему гитаристу?

– Это не твое дело, – она приложила палец к губам, давая

ему понять, что эта сфера ее жизни принадлежит только ей и даже своему лучшему другу, Игорю Шубину, не позволено вторгаться сюда. – Помоги мне проверить все окна и двери. Знаешь, не в обиду Наташе будет сказано, но Щукина в этом отношении была просто идеальным секретарем...

Уже на крыльце, прощаясь, она не вытерпела и все-таки спросила:

– Скажи, какие отношения связывают вас с Наташей?

– Она привязалась ко мне, и одна мысль о том, что мы можем с ней расстаться, повергает ее в такой трепет, что мне ее становится жалко.

– Но почему же ты раньше не думал так и не говорил мне ничего подобного? Неужели купился на Наташины пирожки? Неужели вам, мужчинам, так мало надо от женщины?

– Мне всегда хотелось иметь семью, ты знаешь... С тобой у нас ничего не получилось, потому что ты любишь Крымова, а с Наташей у нас не клеится, потому что я люблю тебя...

– Это не любовь, Игорь. Если бы ты любил меня, то никогда не смог бы быть с другой женщиной... – она уже пожалела, что спросила про Наташу. – Ладно, забудем этот разговор.

Юля молча поцеловала его и сошла с крыльца. Она знала, что он еще какое-то время будет смотреть ей вслед, но потом все равно отправится домой, к Наташе, и будет обнимать ее этой ночью, гладить ее длинные волосы и говорить ласковые

слова. *Не жизнь, а какая-то бесконечная игра. И зачем люди только в нее играют? Может, в этом и есть ее истинный смысл?..*

...Она открыла глаза и взглянула на спящего рядом Дмитрия. Сон настолько растревожил ее и заставил посмотреть на свою жизнь со стороны, что, открой он сейчас глаза, прикоснись к ней, она ударит его... *Сон. Что такое сны и как их понимать?*

Глава 3

12. Человек с рыбьими глазами

Этот толстяк уже давно смотрел на нее белыми и мертвыми, как у рыбы, глазами, и Гел знала, что означает этот взгляд. Ее тело, горячее и влажное, принадлежало сейчас целой толпе мужчин, которые жадно пожирали его глазами, и каждый мечтал овладеть им, взять, как берут города, крепости и целые государства.

Она исполняла на сцене танец, призывающий этих объевшихся и потных самцов к ритуалу, вечному как мир, и она же, Гел, не хотела удовлетворить их разгоревшиеся страсти. Многие присутствующие сейчас здесь, на пиру чувственности, и кого она отвергла в свое время, ненавидели ее, и если поначалу пытались купить наличными или дорогими подарками, то теперь готовы были растерзать ее за ее неподкупность, непокорность, нелюбовь. Хотя среди этих мужчин, большинство из которых Гел знала в лицо, были и такие, с которыми она не прочь была бы познакомиться поближе и даже провести время. И по ночам, томясь от одиночества, она тысячу раз приводила сюда понравившегося ей мужчину и срывала с него одежду... Она знала, что стоит ей только захотеть, и любой мужчина будет у ее ног, и их отноше-

ния, пусть даже завязавшиеся в ночном стрип-баре, могли бы перейти в более крепкие и надежные, брачные (*А почему бы и нет?!).* Но именно это-то и не позволяло ей расслабляться и приближать к себе кого бы то ни было. Брак означал бы расторжение устного договора, существовавшего между нею и Михаилом Семеновичем, а вот последствия этого были непредсказуемыми. Михаил Семенович выполнил свою часть договора, и Гел жила на его содержании долгое время, теперь очередь была за Гел, и от того, как она сработает и выполнит ли все его указания до конца, зависела ее будущая жизнь. Слишком уж большие средства вложил Бахрах в нее, чтобы не потребовать ничего взамен. Да и условие было, на первый взгляд, простое – передать тому красавчику-брюнету с голубыми глазами конверт. Это все. Но ее адрес – стрип-бар «Черная лангуста» – должен оставаться постоянным. Она может менять квартиры, но только не место работы. «Смотри, Гел, даже если ты постареешь и подурнеешь и не сможешь выступать в этом баре стриптизершей, ты все равно останешься в нем кем угодно, вплоть до посудомойки или сторожа. И человек, о котором я тебе рассказал, едва переступив порог бара „Черная лангуста“ и назвав первому встречному твое имя, должен найти тебя в два счета». Поэтому домашний адрес Гел знал весь персонал, и каждый из работающих в баре хотя бы один раз, да побывал у нее дома.

Она вернулась к себе в уборную, мокрая как мышь. Сбросила с себя высокий голубой, украшенный сделанной из папье-маше огромной корзиной с фруктами, парик в стиле восемнадцатого века и зашла за ширму, заменявшую душевую кабину. Включила воду и подставила свое уставшее тело под теплую воду. Никто не знал, как хотелось ей пустить холодную струю, но это могло бы вызвать спазмы сосудов или судороги, поэтому ей, опытной стриптизерше, приходилось терпеть после выступления еще и испытание противной теплой водой.

– Гел! – услышала она сквозь шум льющейся воды. – Гел, к тебе можно?

Это был хозяин «Черной лангусты» Максим Бюшгенс, интеллигентный мошенник с манерами великосветского льва. Сорокалетний, приятной наружности мужчина, всегда прекрасно одетый, улыбающийся, он умел так незаметно гадить людям, что им и в голову не могло прийти, откуда дует ветер предательства и подлости. С Гел у него были сложные отношения, и они как могли старались ладить уже хотя бы потому, что были необходимы друг другу. На Гел и ее эротические танцы валила толпа, это приносило бару немалый доход, поэтому вот так запросто взять и вышвырнуть непослушную и дерзкую стриптизершу на улицу означало бы подставить под удар самого себя. С другой стороны, Бюшгенс смог бы зарабатывать неплохие сутенерские деньги, продавая красивую Гел. Они могли бы стать врагами, и только

стараниями умной Гел, вынужденной приспособливаться к нелегким условиям, которые ставил перед ней ее хозяин, они все еще не разорвали друг друга на части. Гел не могла покинуть «Черную лангусту», как не могла допустить и того, чтобы Бюшгенс, однажды прозрев, вдруг вычислил ее «ахиллесову пятую» и стал управлять ею, продавая Гел как дорогой товар. Это означало бы полный провал, и тогда Гел ждала бы полная неизвестность, сопряженная с риском для жизни. Мысль о том, чтобы снова вернуться в свой родной город и упасть на колени перед Бахрахом, была заранее обречена: Михаил Семенович с самого начала предупредил ее о том, что обратного хода у нее нет. И что если она появится перед ним, разыщет его, у нее будут большие неприятности. Гел была умной девушкой и не могла не понимать, что то огромное количество бумаг, которое ей приходилось подписывать, можно сказать, с закрытыми глазами, связывало ее насмерть с какой-то тайной, имеющей явно криминальные корни. Она, ставя свою подпись на очередной документ, видела лишь черту, на которой должна была расписаться, и ни строчки больше. Бахрах использовал ее имя и руку для того, чтобы плести свою финансовую паутину, это было ясно. Скорее всего, на ее имя были открыты какие-нибудь фирмы-однодневки, которые он то закрывал, то регистрировал вновь, но уже под другими названиями. И только хозяйкой наверняка продолжала числиться Гел. Вот откуда деньги, фактически причитающиеся ей за «работу» проценты, вот откуда

те таящиеся между строчками документов угрозы, в истинность которых она верила, и все это время жила как на пороховой бочке. Человек, которому она должна была отдать конверт, интересовал ее больше всего. Она знала, выучила его лицо до мельчайших подробностей, до формы носа и губ, разреза глаз и округлости подбородка, и в каждом новом посетителе бара видела его и всякий раз вздрагивала, как если бы прямо в ее голову был нацелен пистолет. Ведь этот человек мог быть послан Бахрахом исключительно для того, чтобы убить ее, Гел, ставшую ненужной Бахраху. Отсюда – ее ночные кошмары, ее бессонница и животный страх, увеличивавшийся с каждым днем и грозящий вылиться в необратимую депрессию...

Надо было что-то делать, что-то предпринимать. Хотя бы самой разыскать этого парня с голубыми глазами, войти к нему в доверие и выяснить, кто он такой и зачем ему приходится в «Черную лангусту». Но как это сделать, не покидая бар и Москву? Как? Разве что нанять частного детектива? Прошло больше года, как она впервые встретилась с Михаилом Семеновичем...

Максим Бюшгенс заглянул к ней и в восхищении воззрился на ее белеющее в полумраке, блестящее от воды тело.

– Максим, ты бы купил мне нормальную душевую кабину, – капризным тоном проговорила она, не давая ему сказать и слова, чтобы сразу сбить его с толку. *Он пришел, что-*

бы сосватать мне того толстяка с рыбьими глазами. – Что скажешь?

– Ты видела того старика, который не сводил с тебя глаз? Гел, он очень богат, и, если ты согласишься провести с ним хотя бы один вечер за бутылкой шампанского, он попросту озолотит тебя...

– И тебя, – она сощурила глаза и смерила его ледяным взглядом. – Макс, оставь меня в покое...

– Я могу оставить тебя в покое, но тогда ты останешься без работы, и я сделаю все, чтобы тебя не приняли ни в одно из подобных заведений, – вдруг тихим мерзким голосом произнес Бюшгенс. – Ты осточертела мне со своими монашескими ужимками. Сама трахаешься со всяким дерьмом, а ублажить клиента за большие бабки тебе, видите ли, девичья гордость не позволяет. Кого ты из себя корчишь? Или тебе было мало?..

– Чего мало?.. – она побледнела.

– Тебя мало били?

– Ты хочешь сказать...

– Да, именно это я и хочу сказать. У тебя лицо зажило, синяки исчезли, шрамы зарубцевались?

– Так это ты, скотина? – она бросилась на него с кулаками. – Это ты, гад! – она не скупилась на выражения. – Ты хотел меня проучить? И ты допустил, чтобы из меня делали фарш какие-то молокососы?

Тут Гел заметила, что Макс смотрит куда-то вниз, пониже

ее талии.

– А этот шрам тебе кто оставил? Кто заклеил тебя, Гел? – произнес он с издевкой. – Это...

– Это косметический шрам, – перебила она его. – Он нужен мне для работы. Разве ты не видишь, как млеют твои клиенты, когда видят меня, обнаженную, с этим чудовищным рваным шрамом на заднице? Макс, успокойся... – она говорила уже примирительным тоном, леденея при мысли, что Бюшгенс исполнит свое обещание и вышвырнет ее, как котенка, на улицу. – Не заплатит мне этот старик больших денег. Он, как и всякий другой мужик, когда получит свое, откупится шампанским и сотней долларов. Но я и здесь достаточно зарабатываю, чтобы не спать с этим боровом. Посмотри на меня, разве в ближайшие десять лет с моим телом может что-то случиться? Взгляни, – она взяла его руку и приложила его ладонь к своей груди: – Видишь, какая она упругая? Макс...

Макс одинаково любил и мужчин, и женщин, но, вероятно, чувствуя исходящую от Гел силу, боялся предъявить на нее свои права хозяина. Хотя все без исключения девушки, работавшие вместе с Гел на сцене, не миновали его постели.

– Гел, что ты делаешь, Гел?

– Ты думаешь, наверное, что я не вижу, какими глазами ты на меня смотришь? Нет, Макс, я все отлично понимаю. И я очень ценю то, что ты до сих пор еще не дотронулся до меня и пальцем. Но если я отказываю твоим толстосумам, это

еще не значит, что я откажу тебе. Ты нравишься мне, Макс, нравишься, как мужчина, и я готова доказать тебе это...

Фальшь сквозила в каждом ее слове, и они оба понимали это. Макс, разочарованный услышанной лестью, смотрел на совершенное тело Гел и спрашивал себя, зачем она говорит ему все это, зачем пытается его соблазнить таким дешевым способом. В одном она не лгала: ее демонический шрам, довольно крупный, рваный, на ее левой ягодице и придававший всему ее облику флер таинственности и порочности, возбуждал даже его, успевшего немного поостыть от женских тел. Но тогда становилось и вовсе непонятным, зачем Гел, имея такое мощное оружие, как это великолепное, клейменое тело, пытается привлечь его на свою сторону и даже готова отдаться ему здесь, в этой тесной душевой? Неужели он нравится ей? Острая, как бритва, мысль мгновенно отрезвила его: да она же любит его! Гел любит его, и как это он не понял раньше? И разве не этим объясняется ее нежелание «работать» на него, ложась в постель с посетителями бара? А он, скотина, которому даже в голову не могло прийти, что Гел руководит любовью, отдал приказ наказать ее за непослушание, рискуя больше не увидеть эту прелестную девушку в «Черной лангусте»! Она любит его – теперь он не сомневался в этом.

– Гел, почему ты раньше мне ничего не говорила? Даже взглядом не выдала своих чувств ко мне? – потрясенный Бюшгенс подошел к ней и обнял ее, мокрую, теплую и показав-

шуюся ему такой родной. – Малышка, как же я виноват перед тобой...

Гел, которая и не ожидала такого благостного для себя поворота событий (*дурачок, он подумал, что я люблю его!*), решила действовать до конца и, зажмурившись, дала поцеловать себя.

– Я думала, что ты это знаешь, – говорила она с придыханием, прижимаясь к нему всем телом и пытаясь завести его. Сейчас ей предоставлялась возможность сблизиться с ним, и она пустила в ход все свое обаяние, все известные ей, профессионалке-стриптизерше, приемы, в результате чего Макс сорвал с себя одежду и набросился на нее, пылающий, ничего не соображающий и счастливый тем, что его в этом грязном и пошлом мире кто-то любит и не собирается предавать. Гел – цельная и сильная натура, именно такая женщина и нужна ему для жизни. Он думал об этом, обнимая Гел, покрывая поцелуями ее влажное лицо, мокрые волосы, чудесный плоский живот и стройные сильные ноги. С ней он вновь почувствовал себя настоящим мужчиной, и именно эта раздвоенность (утром он был с юношей, русоволосым, кудрявым и совершенно инфантильным) позволила ощутить себя человеком неординарным, способным жить сразу несколькими жизнями, и от сознания этого у него закружилась голова, и кровь хлынула из носа. Счастливый и удовлетворенный, он поднялся с женщины, которая подарила ему это осознание, и помог ей подняться с жестких деревянных решеток.

– Извини, Гел, я заставил тебя страдать... Ты простишь меня?

Гел нежно обняла его и поцеловала. В отличие от Бюшгенса, она получила от этой близости лишь ощущение физического неудобства, лежа на решетке, да надежду на отсрочку приговора, который рано или поздно вынесет ей Макс. Она не могла поверить, что то, что между ними произошло, может быть для него серьезным событием в жизни. Между тем Макс думал иначе.

– Гел, ты необыкновенная девушка. Я бы хотел каким-то образом закрепить наши отношения... Надеюсь, ты не откажешься поужинать сегодня со мной у меня дома?

Гел была удивлена. Такой чести никто из знакомых ей девушек не удосуживался. Зверь сам шел ей в руки.

– Конечно, я буду только рада... Но как же выступление?

– После выступления, и пусть все видят, что ты пошла со мной... Гел, во мне все перевернулось...

А он сентиментален, кто бы мог подумать!

Вечером этого же дня она танцевала для посетителей бара, и многие, видевшие ее на сцене, заметили, что Гел в ударе, что все движения ее проникнуты любовью, страстью, самой жизнью. Толстяк с рыбьими глазами, не дожидаясь конца представления, зашел к Максиму в кабинет и выложил на стол пачку долларов.

– Слушай ты, педрила, – проговорил он, глядя на поблед-

невшего Макса наливающимися кровью глазами, – эта сучка не стоит, конечно, этих денег, но пусть тогда они достанутся тебе. Отдай ее мне хотя бы на ночь, ты же ее хозяин, что тебе стоит приказать ей. У меня много денег, а потому ты должен служить мне. Я пришел сюда только из-за Гел, и она должна стать моей.

– Гел – моя жена, – вдруг произнес Бюшгенс и сам подивился магическому воздействию этой фразы на самого себя. – И она никогда не достанется вам, старым обезьянам, и заруби это себе на носу.

– Что ты сказал? Да ты знаешь, кто я? Там, в зале, шесть человек из моей охраны, но я пришел к тебе один... Я пришел к тебе, чтобы сделать дело, чтобы отдать тебе эти бабки... Ты, щенок, голубая тварь...

Макс не помнил, как в его руке оказался пистолет. Он, повинуясь инстинкту самосохранения, достал его из ящика письменного стола, за которым сидел, и, глядя на свирепое лицо толстяка, имени которого он не знал и не желал знать, выстрелил ему прямо меж его белых, в красных кровавых прожилках, глаз.

Толстяк свалился на пол. Макс знал, что выстрела никто не слышал. Во-первых, его пистолет был с глушителем (он держал его в столе постоянно заряженным, что придавало ему чувство защищенности и силы), во-вторых, Гел в зале танцевала под громкую музыку, в-третьих, его кабинет находился в конце коридора, и звука выстрела не могли услышать

даже люди, работающие на кухне, располагавшейся здесь же, в подвальном помещении, за двумя кладовыми, – слишком толстые были стены.

Надо было срочно действовать. Он отволол труп к двери, ведущей в комнату отдыха, подтащил к большому раскладывающемуся дивану, открыл его и уложил мертвое тело в деревянную его нишу, прижал второй половинкой, и ему почудилось, что никакого убийства и не было. Он снова в комнате был один. Разве что кровавый влажный след мешал ему поверить в свою же спасительную иллюзию. Макс принялся подтирать полы мокрой тряпкой. Руки его дрожали. Он знал, что через некоторое время люди из охраны толстяка его хватятся и непременно придут сюда. Макс скажет им, что у него никого не было. Но эти парни все равно будут искать его...

Он подождал, когда полы подсохнут, сел за стол и позвонил наверх, администратору, и попросил, чтобы тот прислал ему Гел.

Она пришла лишь четверть часа спустя – ее несколько раз вызывали на «бис». Сильно напудренная, в фантастическом парике и обрывках старинных кружев, едва прикрывавших ее бедра, Гел, румяная и веселая, улыбнулась Максу. Бедняжка, она ничего не знает...

– Гел, я только что убил толстяка. Мы должны бежать. Ты слышишь меня?

Но до нее, казалось, еще не дошел истинный смысл фразы. Она продолжала улыбаться.

– Гел, я убил его! Его труп лежит в диване. «Черная лангуста» закрывается. Ты бежишь со мной?

Теперь Гел все поняла.

– Нет, «Черная лангуста» не закрывается... Где труп? Ты убил этого козла? Где он... В диване? Покажи!

Она сорвала с себя парик и промокнула им вспотевшее лицо. Макс привел ее за руку в комнату, поднял половину дивана и показал утрамбованное в тесноте окровавленное тело.

– Мы должны избавиться от него, слышишь? Избавиться от трупа немедленно. Ведь это же Карпович, он пришел не один, в зале гудит его братва, его охрана. И это просто чудо, что его еще не хватились. Где твоя машина?

– У ворот.

– Ты должен подъехать к грузовому лифту впритык и поднять этого типа. Я помогу тебе... Не раскисай, я же с тобой!

Макс выбежал из кабинета и перекрыл проход с лестницы, ведущей в подвал, заперев дверь на замок. После этого через кухню выбежал на улицу, подогнал машину к люку – грузовому лифту, с помощью которого обычно в кухню сгружались привезенные продукты, открыл его и сам на четвереньках спустился в одну из кладовых. Оттуда, звеня связкой ключей, он бросился по коридору в свой кабинет. Вместе с невозмутимой Гел они вытащили за ноги тяжеленное тело толстяка, завернули его в покрывало, чтобы не оставлять следов крови на полу, и поволокли в кладовку. Включив

лифт, они подняли труп наверх и уложили в багажник машины. Все заперли, вернулись в кабинет, где Гел тщательно уничтожила все следы крови с пола и внутри дивана. После чего она поднялась наверх, чтобы продолжить выступление, а Макс спустя некоторое время последовал за ней, чтобы выпить в баре стакан неразбавленного виски.

– Какая гадость... – сказал он, пьяно улыбаясь бармену. – Наша водка все-таки лучше...

Спустя только полчаса к Максу подошел один из парней-«шкафов» и, дыша в лицо перегаром, спросил, не видел ли он Карповича.

– А кто это? – сказал набравшийся по самые уши Макс. – Я его знаю?

Но «шкаф», ничего не ответив, вернулся к своим, и Макс увидел озабоченные свиноподобные рожи охранников, заматававшихся по бару в поисках своего любимого шефа. Гел к тому времени уже отогнала машину Макса в один из тихих двориков и незаметно вернулась, села за столик и теперь в полном одиночестве тянула коктейль «Черная лангуста»: шоколадный ликер, водка и черный перец с лимоном. Ее лицо выражало высшую степень покоя и расслабленности.

Господи, ты послал мне Гел... Спасибо тебе... Так думал Макс, наливая себе очередную порцию спиртного, пока не опьянел настолько, что все происшедшее с ним стало казаться ему сном.

Господи, пронеси... Пусть все идет, как идет...

Поздно ночью Гел, чтобы не привлекать к себе внимания, заказала по обыкновению такси и поехала домой одна, без Бюшгенса. А утром ей позвонил бармен и сказал, что Макса убили вскоре после ее ухода. Когда Гел, бледная как смерть, спросила, заикаясь, за что, бармен, хмыкнув, ответил:

– Они не оставили объяснительной записки...

– Кто они-то? – кричала в трубку Гел. – Кто эти звери?

– Люди Карповича... Так что ищи теперь другую работу, сука...

Это прозвучало как пощечина, и Гел впервые подумала о том, что кто-то из персонала мог догадываться о причастности Макса или даже ее, Гел, к исчезновению или даже смерти Карповича. *«Они нашли машину и тело»*, – вдруг поняла она, быстро собралась и поехала в аэропорт, откуда первым же рейсом вылетела в Саратов. *«Я думаю, он поймет. Это уже не моя вина...»*

Все мысли ее были уже о Михаиле Семеновиче.

13. Скарификация

Михаил Семенович заметно охладел к ней. Женя Рейс почувствовала это, едва переступила порог его квартиры. Его холодность сквозила в каждом взгляде, каждом движении. Что-то свирепое даже залегло в складках морщин, в очертании губ.

– Здравствуй, Женечка... – он сухо клюнул ее в щеку. – Проходи. Я сейчас...

Она вошла в гостиную, и первое, что увидела, это белую простыню, аккуратно разложенную на диване, и маленькую подушечку. Все белоснежное, без единой морщинки. Рядом – стол на колесиках, а на нем серебряный поднос с большим желтым пухлым конвертом.

– Вы кого-то ждете?

Она спросила на всякий случай, потому что даже представить себе не могла, зачем это Бахраху, который назначил ей свидание на десять утра, понадобилось стелить эту странную, похожую на больничную постель.

– Тебя, Женя. Сегодня тебе предстоит сделать выбор – остаться со мной или... Словом, если ты помнишь, я как-то намекал тебе, что мне бы хотелось что-то изменить в твоём теле...

Сначала он удалит мне печень, затем почки, а уж потом взрвет сердце... Жиль де Рей, не иначе...

– Но что? – Женя почувствовала, как задрожал ее подбородок. А ведь она настроилась на любовь, на нежные объятия.

– Сущий пустяк, ты даже ничего не почувствуешь...

– Михаил Семенович, я не дам себя уродовать, – вдруг набравшись храбрости, заявила она и попяtilась к двери.

– Успокойся. Речь идет лишь о косметике, не больше...

– Вы хотите разрисовать мое тело? Но чем? Уж не соляной ли кислотой?

– Нет. Скажу просто: мне бы хотелось, чтобы у тебя на твоей хорошенькой попке появился небольшой шрам. Ты что-нибудь слышала о косметическом шрамировании?

– Вы хотите заклеить меня, как корову?

– Нет, ты сначала выслушай меня, а потом сама решишь, соглашаться тебе или нет.

Женя сидела на стуле как оглушенная, слова с трудом просачивались сквозь ватную оболочку ее страха и непонимания. *«Нанесение художественных шрамов на тело существовало много веков назад. Научное название „скарификация“». В висках стучало, по спине проползла змеей капля пота. «Раньше, в древности, скарификация играла большую роль в жизни людей. В африканских племенах, например, шрамы – непременный атрибут вступления в половую жизнь. На животах девушек делались художественные надрезы и посыпались пеплом, чтобы шрамы выглядели бо-*

лее рельефными, и только после этого молодожены могли остаться наедине...»

– Но вам-то это для чего? – упрямо спросила Женя. – Мы же не молодожены!

– А сейчас это просто способ украсить тело. Шрам, необыкновенный, роскошный, – вот чего мне так не хватает в тебе, понимаешь?

– Нет, не понимаю...

– Это свидетельствует лишь о том, что ты отстала от жизни. Шрам – это интимная деталь каждой уважающей себя и разбирающейся в любви современной женщины. Сегодня существует целая индустрия шрамирования. Эта процедура пройдет для тебя совершенно безболезненно, поскольку операция производится под местным наркозом. Я буду здесь, рядом с тобой, мы будем даже разговаривать. Потом некоторое время мы поухаживаем за твоим шрамом, а через месяц поедем в Венецию. Женечка, соглашайся. Ну что тебе стоит?

Он не умел уговаривать, этот Михаил Семенович. Слова его звучали неубедительно, как неубедительно выглядел и он сам, раскрасневшийся, взволнованный.

– Он нужен вам для секса?

– А для чего же, душа моя?! – он взял ее за руку и притянул к себе. – Шрам свидетельствует о том, что в этой женщине есть какая-то тайна, касающаяся ее прошлого, может быть, даже трагическая тайна или драма. Шрам – след пере-

несенной боли, связанной с катастрофой, несчастным случаем... Словом, шрам может украсить женщину и придать ей особое очарование в сознании мужчины, который обнимает много повидавшую и много испытывавшую в своей жизни женщину, ты понимаешь меня? Женя, ведь это такой пустяк... И тебя это ни к чему не обязывает. Если, к примеру, ты поймешь, что мы с тобой не пара, и тебе не захочется больше встречаться со мной, я отпущу тебя, как птицу, но создам тебе все условия, чтобы ты ни в чем не нуждалась. Больше того, тебе будет, вероятно, приятно узнать, что я *уже* успел кое-что сделать для тебя. Смотри, это – сберегательная книжка, причем на твое имя. Открой ее, и ты увидишь, что на твоём счету лежит пять тысяч долларов. Это как гарантия, ты понимаешь? Ты – свободна, с одной стороны, но, с другой, ты должна знать о том, что у тебя есть надежный покровитель, твой друг, Михаил Семенович, который по первому же зову придет к тебе на помощь. И хотя мне бы очень не хотелось расставаться с тобой, я же понимаю, что у меня мало шансов быть любимым такой очаровательной девушкой, как ты, но хотя бы месяц или два останься со мной, я прошу тебя...

– Вы хотите, чтобы я поехала с вами в Венецию?

– Можно в Рим, в Неаполь или Мадрид. Да куда угодно!

– Но этот шрам... Михаил Семенович... Мне страшно, я боюсь... я не понимаю всего этого...

И тогда он принес ей несколько фотографий, вырезанных им специально из эротических журналов, где были изобра-

жены красивые, с довольными мордашками, девушки, демонстрирующие свои страшные шрамы. У кого-то шрам «украшал» бедро, у кого-то плечо, а у одной девушки вполне правдоподобный шрам располагался прямо на груди...

– Это не настоящие шрамы, это наклейки, – продолжала сопротивляться Женя, чувствуя, что ошиблась в Михаиле Семеновиче, и теперь ей уж точно придется с ним расстаться. Она никогда не ляжет в постель с извращенцем и никакие шрамы и татуировки ни для кого и ни за какие деньги не позволит себе сделать. – И вообще, скажу вам откровенно: не для меня это, понимаете? Не для меня! Я не такая девушка, я хотела сказать, что я простая и никогда не соглашусь ни на что подобное... И мне жаль, ужасно жаль, что нам с вами придется расстаться...

Она собиралась сказать еще что-то, но телефонный звонок прервал ее горячую речь. Михаил Семенович почему-то напрягся и перевел взгляд на часы. Звонок заливался в спальне, куда он, вероятно, отнес аппарат.

– Женечка, будь другом, возьми трубку и скажи мне, мужской голос или женский?

Женя, пожав плечами и подумав о том, что по сравнению с шрамированием эта просьба – сущий пустяк, пошла в спальню. Услышав женский голос, прикрыла микрофон ладонью и прошептала: женский. И только после этого, вздохнув с облегчением, Бахрах подошел к ней и взял трубку.

– Да, слушаю... – лицо его сначала расплылось в улыб-

ке, но почти тотчас исказилось до неузнаваемости, переко-
силось, стало малиновым, затем белым... Трубка выпала из
рук, а сам Бахрах рухнул на пол. Да с такой силой, что за-
дрожала посуда в горке в гостиной.

Перепуганная Женя схватила трубку, но она опоздала – в
трубке раздавались короткие гудки.

Женя опустилась на пол рядом с неподвижным телом Ми-
хаила Семеновича и внимательно посмотрела на его лицо.
Глаза его, распахнутые, подернулись мутью, рот был раскрыт
и словно требовал свежего воздуха. Она приложила ухо
к груди Михаила Семеновича и не услышала биения сердца.
Не пульсировала кровь и под кожей на запястьях. Тогда, еще
не успев испугаться, Женя метнулась в гостиную, достала из
своей сумочки пудреницу и поднесла зеркальце к его рту.
Оно не запотело. Михаил Семенович был мертв. И она уже
никогда не поедет с ним в Венецию... Она вышла из спаль-
ни сама не своя. Закрыла за собой дверь и некоторое время
просидела неподвижно на стуле. Голубая банковская книжка
лежала на столе. Женя машинально уложила ее в сумочку.
Теперь она богата – у нее пять тысяч долларов...

Она не помнила, сколько времени прошло с тех пор, как
она перешагнула порог этого дома. Находясь в каком-то оце-
пенении, она обошла квартиру, разглядывая фотографии на
стенах, корешки книг на полках, картины... Она несколько
раз подходила к телефону, но всякий раз при мысли, что ей
придется кому-то сказать о том, что в ее присутствии скон-

чался человек, ей становилось дурно. *Нет, я не позволю. И вообще... мне надо уходить отсюда.*

Резкий звонок в дверь заставил ее подскочить. Кто бы это мог быть? Не открыть она не имела права уже хотя бы потому, что хозяина теперь не существовало, и ей было небезопасно оставаться наедине с трупом. Кто бы это ни был, она расскажет о том, что произошло, и они вместе вызовут милицию...

С бьющимся сердцем и не чувствуя ног, она приблизилась к двери и, за каких-то несколько секунд убедив самое себя, что Михаил Семенович жив и что то тело, что она только что осматривала в надежде обнаружить признаки жизни, ей приснилось, спокойным (дающимся ей с великим трудом) голосом спросила: кто там?

– Это Гамлет.

Прекрасно. В квартире лежит труп, и в это время сюда является Гамлет, затем позвонит Офелия, следом пригласится леди Макбет... Хорошенький денек у меня сегодня выдался...

Она решила открыть. И по возможности скрыться из квартиры. *Ведь если я не открою, а этот самый Гамлет будет так настойчив, что не уйдет до тех пор, пока не встретится с Бахрахом, то мое молчание под дверью можно будет истолковать единственно страхом убийцы перед возможными свидетелями.*

Она решительно повернула ключ в замке, распахнула

дверь и увидела перед собой высокого черноволосого парня, с хищным оскалом вместо улыбки и не менее хищным взглядом, которым он раздевал ее, не трогаясь с места.

– Салют, малышка! Хозяин дома?

– Дома, – чуть слышно ответила она. – А вы кто?

– Разве он не говорил обо мне?

– Не знаю, может, и говорил... – она стояла, переминаясь с ноги на ногу и стараясь каждый свой ответ затуманить неопределенностью. – Мы много о чем говорили... А вас действительно зовут Гамлет?

Парень вместо ответа кивнул головой, разулся, не обращая на нее внимания, так, словно успел привыкнуть к этому, и смело двинулся в сторону гостиной. Женя едва поспевала за ним. Увидев приготовленное стерильное ложе, застыл на несколько мгновений, и его лицо тут же озарилось победной улыбкой.

– Отлично. А то я уж думал, что он тебя не сможет уговорить...

– Уговорить? На что?

– Брось прикидываться. Я же Гамлет, я должен поработать над твоим бедром. Видишь? – Он подошел к столику на колесах, взял в руки конверт, приоткрыл его и достал пачку потрепанных российских купюр, стянутых красной резинкой, под которой белел клочок бумаги с крупным карандашным рисунком. – Михаил Семенович, вы где?!

Хозяин ему не ответил, и тогда Гамлет, похлопав себя по

ляжкам, обтянутым синими вытертыми джинсами, подмигнул Жене и спросил довольно фамильярно:

– В кабинете заперся?

– Он в ванной, принимает душ... – солгала она, еще не решив, как ей вести себя с этим нагловатым красивым типом.

– У меня времени в обрез, поэтому я начну действовать прямо сейчас.

– Действовать? – Женя почувствовала, как внутри ее образовался кусок льда, который охлаждал все в животе и даже как будто мешал дыханию. Ей не хватало воздуха.

– Ну да! – В руках Гамлета материализовался пластиковый пакет, который Женя до этого времени не замечала, откуда был ловко извлечен металлический пенал и завернутая в тонкую полиэтиленовую пленку белая эмалированная ванночка. Звякнули инструменты, на столике появились баночка с ватой, бутылка со спиртом или другим антисептиком, бинты, рулончик бактерицидного пластыря. – Ты не должна волноваться, это совсем не больно...

– Вы – хирург? – не понять, кого она видит перед собой, было уже невозможно. – Он вас пригласил, чтобы вы сделали мне шрам?

– Давай на «ты». Значит, так, ничего не бойся. У меня отличное американское обезболивающее средство, и ты даже не почувствуешь, как я буду резать тебя...

– Скажи, пока он не слышит... – она оглянулась, словно желая убедиться, что находящийся где-то совсем рядом Ми-

хаил Семенович не сможет услышать ее, – у тебя много заказов? Я хотела сказать, на самом ли деле многие женщины хотят заказать себе шрамы? Это модно? Или же *он* все это придумал, чтобы не испугать меня своими извращенческими желаниями?

– Если бы все были такими извращенцами, как Михаил Семенович! Да он классный мужик, я так понимаю, еще в форме, просто ему нравятся женщины со шрамами...

– Вы давно с ним знакомы?

– Я – хирург, а не шпион, – засмеялся он, – и не должен говорить с тобой о таких вещах. Видишь этот конверт с деньгами? Они приготовлены мне. Вот поработаю с тобой, и он вручит мне их...

– А какой шрам ты собираешься мне сделать? Вы обсуждали с ним этот вопрос?

– Конечно! Видишь листок? На нем – изображение твоего шрама. Это заказ, и я его выполню, будь спокойна...

– Ты и раньше бывал здесь? – Женя вспомнила, как он разувался в прихожей, аккуратно ставя кожаные сандалии на полку, как у себя дома.

– Тебе не нужно этого знать. Могу лишь успокоить тебя, сказав, что Михаилу Семеновичу можно доверять. Он честный и порядочный, и я был бы рад всю жизнь работать на таких людей, как он. Сказал, что заплатит, значит, заплатит, да еще и сверх оговоренной суммы. Понятно? – и он, увлекшись расписыванием достоинств Бахраха, щелкнул Женю по

носу. И тут же получил в ответ оплеуху. Держась за щеку, он смотрел на бледную Женю широко раскрытыми глазами, силясь понять, что происходит.

– Ты чего, спятила?

– Тебе мало? Еще получишь... А вот заработать тебе сегодня не удастся...

– Как это не удастся?

– А так... – она сделала несколько шагов к двери, ведущей в спальню, и сильным движением распахнула ее. – Вон твой Михаил Семенович... Он умер. За несколько минут до твоего прихода. Теперь понятно, почему я задавала тебе столько вопросов?

– Он умер? – теперь уже пришла очередь бледнеть и Гамлету. С него мгновенно слетела вся шелуха заносчивости и высокомерия. Он испугался. – А что с ним случилось?

– Я тоже врезала ему по лицу, он и помер... – Она не знала, зачем сказала эту глупость, но нервы ее были на пределе, а потому она уже не могла отдавать отчет своим поступкам. – Понятно? Так что со мной шутки плохи...

– Ты убила его?

Этот вопрос немного привел ее в чувство.

– Нет, ему позвонила какая-то женщина, и он сразу же побелел, затем покраснел или наоборот, я не помню, а потом грохнулся на пол. Он ведь в годах, к тому же на улице такая жара... Я думаю, что у него либо инсульт, либо инфаркт, больше ничего сказать не могу. Я собиралась вызвать «Ско-

рую», но тут позвонил ты.

– Дура! – Гамлет принялся судорожными движениями укладывать свои банки-склянки в пакет. – Нужно дергать отсюда. Я не хочу влипнуть с тобой... Деньги заберу, они ему все равно больше не понадобятся... (Он взял конверт и сунул себе в карман.) Извини, но в инструкции не сказано, что я должен с тобой делиться...

– Это твое дело, деньги меня не интересуют...

– Да, конечно, – усмехнулся он, звеня инструментами. – Настолько не интересуют, что ты приволоклась сюда, к этому старому козлу, чтобы спать с ним, и даже согласилась, чтобы изрезали твой зад...

– Я не советую тебе грубить, – прошептала Женя, давась от злости, поскольку этот мошенник и псевдохирург Гамлет ударил ее в самое уязвимое место. *А ведь он прав!* – Я же могу позвонить в милицию и рассказать о том, что это я пришла сюда позже и застала тебя рядом с бездыханным телом. И тогда тебя затаскают в прокуратуру...

– Дура! Сама довела его до инфаркта, а потом придумала этот звонок... Давай дергай отсюда. И договоримся: мы с тобой незнакомы, ни ты меня не видела, ни я – тебя. И еще. Постарайся уничтожить отпечатки своих пальцев, если не хочешь вляпаться в это дерьмо... Может, я и на самом деле обидел тебя и никакая ты не шлюха, но уже то, что ты оказалась в этой квартире, в этом вертепе, говорит о многом... Михаил Семенович был не простым пенсионером. И не дай

бог тебе что-нибудь о нем узнать. Тебя как звать?

– Неважно.

– Ну и черт с тобой. Просто я хотел тебе сказать, что ты – пятая по счету, которой я должен был сделать шрам. Больше ничего сказать не могу. Чао-какао!

Гамлет ушел, оставив Женю наедине с покойником. *А ведь он прав насчет отпечатков пальцев.* И она принялась вытирать тряпкой все места в квартире, где могла «наследить». Затем, чтобы не вызывать подозрения, решила спрятать в шкаф постельное белье, которое должно было послужить ей на время атрибутом операционного стола. И только после этого, оценив, что Гамлет оказался в меньшей степени мерзавцем (ведь он взял из квартиры покойника лишь конверт с деньгами, другой на его месте мог бы попросту ограбить квартиру такого богатого человека, как Бахрах, и озолотиться на всю оставшуюся жизнь), Женя покинула квартиру. По дороге домой заехала в указанное в сберкнижке отделение Сбербанка и сняла пять тысяч долларов, после чего позвонила в милицию и сказала, зажав пальцами нос, что по такому-то адресу находится труп мужчины...

К себе Женя Рейс взлетела как на крыльях: она считала, что ей крупно повезло, что из всей этой странноватой истории с Михаилом Семеновичем ей удалось выйти, что называется, сухой. И без шрама.

Глава 4

14. Фанфары, звучащие в голове гел

На следующий день Земцовой в агентство позвонил Чайкин.

– Ты помнишь о шраме Уткиной? – спросил он, забыв поздороваться.

– Помню, а что?

– Ты можешь мне, конечно, не поверить, но этот шрам меня заинтересовал. Я, конечно, не следователь, мне до вас далеко, но я вот тут пораскинул мозгами и вспомнил, что одна девица в пивном баре, куда я иногда захожу выпить кружку-другую «Балтики», рассказывала одному парню о том, что ее приятель – хирург, но специализируется в последнее время на шрамах.

– Как это?

– Вроде это сейчас модно. Я в таких вещах не разбираюсь, но после того, что я услышал в баре, мне этот шрам показался *неестественным*, понимаешь? Словно его сделали нарочно. Я внимательно его изучил и могу сказать, что надрезы сделаны профессионалом, который прекрасно знает, что если резать под углом и на определенную глубину, то шрам получится выпуклым, а если прямо – почти незаметным. Так

вот, этот шрам – выпуклый, как медальон. Хотя и выглядит немного *диким*, похожим на натуральный...

– Леша, по-моему, ты перегрелся на солнышке... Я же видела этот шрам, ничего особенного.

– Но ты все-таки найди эту девицу, ее зовут Рита, она постоянно ошивается в этом баре, ее там все знают. Бар называется «Желтый дракон», это через дорогу от моего дома.

– Ладно, я подумаю...

Юля посмотрела на дверь, за которой варила кофе Наташа Зима, и откинулась на спинку кресла. Работать не хотелось, да и непонятно было, с чего начинать. Девушку убили, убийца на свободе, а под стражей находится парень, которого она должна спасти от тюрьмы. Но как? Жара плавил мозг, мешала сосредоточиться.

Позвонил Игорь Шубин.

– Я нашел биржу, она находится на Московской... Уткина там постоянно отмечалась и получала смехотворные пособия, как ты и предполагала. Я даже встретился с сотрудницей, у которой числилась безработная Уткина, но ничего интересного не узнал. Пренеприятнейшее заведение, скажу я тебе. Толпы потных женщин с озабоченными лицами, дух отчаяния и безысходности. Знаешь, именно там я вдруг почувствовал себя счастливым...

– А почему только женщин? Разве безработных мужчин не бывает в природе?

– Конечно, бывают, но их очень мало, мне не встрети-

лись... И еще одна деталь. Мне Наташа много рассказывала про свою безработную приятельницу, некую Женю Рейс. Я видел ее пару раз. Красивая девушка, яркая, и даже при такой броской, выигрышной внешности – тоже безработная...

– Да, я тоже видела ее. Мы ведь из-за нее, собственно, с Наташей...

– Да я знаю эту вашу историю. Но речь сейчас не об этом. Дело в том, что и Рейс тоже числилась в одном списке с Уткиной. Они даже отмечаться приходили в одни дни. Вот я и подумал, а что, если поговорить с Женей и попытаться попросить ее вспомнить Уткину?

– У тебя есть ее телефон?

– Это не проблема. Я только так до конца и не понял, к кому она тогда приходила: к тебе или к Наташе?

– Представления не имею. Меня это как раз и взбесило. Я подумала, что Рейс пришла ко мне, а ее так встретили, какие-то дурацкие вопросы об интиме, глупейшие советы... Да и вообще, наше агентство – не место для встреч с подругами. Может, я сейчас и перебарщиваю, но в целом, я думаю, ты меня понял. Игорь, ты узнай телефон, пригласи ее сюда к нам, мы и потолкуем.

Она рассказала ему о звонке Чайкина, о хирурге, специализирующемся на шрамах, и высказала сомнение по поводу существования связи между смертью Уткиной и ее шрамом.

– Я же тоже видел шрам, по-моему, самый обычный... Но проверить не мешало бы. Где находится этот бар?

Юля объяснила.

– Если хочешь, я за тобой заеду, вместе и поговорим с Ритой.

– Заезжай...

Лень навалилась на нее теплым и душным облаком. Не хотелось не то чтобы куда-нибудь ехать, а даже шевелиться. И это в прохладе офиса, а что говорить о пекле за окном?

Раздался телефонный звонок.

– Земцова слушает.

– Это частное сыскное агентство? – раздался приятный женский голос, при звуке которого Юля немного встрепенулась и даже выпрямилась, словно готовясь к серьезному разговору. *В конце концов, пора и честь знать. Все вокруг работают, а тебе даже трубку лень взять...*

– Да...

– Я могу встретиться с вами?

– Да, разумеется. Вы знаете, где находится агентство?

– Нет, я нашла ваш телефон в газете...

Юля объяснила, как добраться до Абрамовской улицы, назначила клиентке встречу на полдень, после чего попросила Наташу приготовить бутерброды. И дело было вовсе не в том, что ей хотелось есть (тем более что есть совсем не хотелось), а в желании придать всей окружающей действительности хотя бы приблизительные черты той насыщенной жизни, которая кипела здесь при Крымове. Запах бутербродов, кофе, какое-то осязаемое движение вокруг, звяканье посуды,

непрекращающиеся телефонные звонки – все это было сейчас необходимо Юле как воздух, чтобы почувствовать в себе прежние силы к работе. Апатия и тягостные размышления о Дмитриии, с которым надо рвать отношения, как путы, чтобы освободиться от чувственного дурмана и вернуться в реальную действительность, мешали сосредоточиться на деле.

Она достала блокнот и записала: 1. Биржа на Московской: Уткина и Рейс – что общего? Знакомы ли они? 2. Девушка Рита в «Желтом драконе» – что она знает о хирурге, шрамах? При возможности познакомиться с этим типом и расспросить о шрамах. Сфотографировать шрам Уткиной. (Юля позвонила знакомому фотографу, чтобы тот съездил в морг к Леше Чайкину и сделал качественный, крупным планом, снимок шрама на трупе, о чем предупредила и самого Лешу.) 3. Съездить в Москву и разыскать квартиру, в которой жила Уткина. Поговорить с соседями.

В памяти Юли всплыл разговор с Олегом Хмарой. До этого времени у нее не возникало желания воспринимать его рассказ всерьез, хотя сам Олег считал, что рассказал ей невероятно важные вещи. Он назвал это «шоколадным вариантом»... По словам Кати, один человек (возможно, тот же самый Михаил Семенович, о котором толковала ее соседка) внезапно предложил Кате полное содержание с условием, что она переберется в Москву, где, нигде не работая, будет жить в свое удовольствие, время от времени подписы-

вая какие-то бумаги. И Катя, доведенная до отчаяния всей своей неустроенностью и отсутствием денег, пошла на это, нисколько не задумываясь о последствиях. На вопрос Юли, склонял ли этот человек Катю к сожителству, Олег лишь пожимал плечами. Катя все отрицала, но вот как было на самом деле, никто, кроме Кати и, разумеется, того самого человека, не знал. Олег всячески отговаривал Катю от Москвы и от этой дурно пахнувшей синекуры. И даже если ее деятельность ограничивалась подписыванием бумаг, все равно это было кому-то необходимо, иначе на нее не тратились бы такие баснословные деньги. Но вот что это за документы, какого рода и чем чреваты, ни Олег, ни сама Катя не знали. Катя утверждала, что ей привозят пачки документов, и, ставя свою подпись почти на каждом листке снизу, она видит лишь чистую линию, рядом с которой печатными буквами проставлена ее фамилия с инициалами. Юля не сомневалась в том, что Катя числилась директором какой-то фирмы, занимающейся либо нелегальным бизнесом, либо отмывающей большие деньги. Иначе объяснить этот феномен было невозможно. Катя была нужна тому человеку, вернее ее подпись, и ее нарочно выселили из Саратова, чтобы там, в Москве, находясь далеко от круга знакомых, она имела как можно меньше контактов. И именно за молчание ей и платили. На вопрос Юли, как же она посмела вернуться в Саратов и знали об этом ее «хозяин», Олег понятия не имел, хотя предполагал, что Катя – живой человек и ей, как и любой другой де-

вушке, просто-напросто захотелось появиться в родном городе, продемонстрировав всем, кто ее знал как неудачницу и хроническую безработную, свою материальную и, соответственно, социальную состоятельность. Еще Олег надеялся на то, что одной из причин, подтолкнувших ее к такому опасному шагу, как нарушение договора, заключенного со своим «покровителем», было ее желание встретиться с ним, с Олегом, и предстать в первую очередь перед ним в новом качестве. По его мнению, ей доставляло удовольствие разыгрывать из себя женщину с тайной, и это его, с одной стороны, настораживало, а с другой – забавляло. Но больше всего Олег говорил о своих переживаниях, которые он испытывал, встречаясь с Катей, и даже искренне признался в чувстве страха и за Катю, и за себя. Имени своего «хозяина» Катя так и не назвала... Вот и получалось, что беседа с Олегом, стоившая Земцовой немалых усилий, тоже мало что прояснила. Разве что обозначила схему отношений между Катей и ее работодателем. Юлия спросила его и о шраме. Олег, густо покраснев, ответил, что этот шрам появился у Кати не так давно и что раньше, когда они встречались, его не было. Да, он спрашивал у Кати, откуда у нее этот «ужасный» шрам, и она со смехом рассказала ему неправдоподобную историю о том, как она поранилась на пляже, в кабинке для переодевания, задев за острый металлический крюк... Сказала, что «кровищи было много»... Олег не поверил и подумал почему-то, что этот шрам – следствие небольшой операции по

вскрытию фурункула. Он в подростковом возрасте сам страдал нарывами, пил пивные дрожжи и не раз обращался к хирургу... И у него после вскрытия фурункулов тоже остались шрамы, не такие крупные и выпуклые, конечно, как у Кати, но все равно... Понятное дело, девушка никогда в жизни не расскажет о себе ничего подобного.

Поговорить с соседями. А вдруг они видели этого «хозяина» и могут его описать?

Вошла Наташа с подносом. Бутерброды выглядели аппетитно, но есть все равно не хотелось.

В приемной послышался характерный звук открываемой двери, затем раздались приглушенные ковровой дорожкой шаги. Так могла семенить только женщина в узкой юбке и на шпильках. В дверь постучали, Наташа бросилась открывать, и на пороге возникла изящная брюнетка в светлом костюме. Белая кожа, ярко-синие глаза, пунцовый, красивой формы рот и волна блестящих, здоровых черных волос.

– Я вам звонила, – улыбнулась женщина, чем сразу же расположила к себе Земцову.

– Проходите, пожалуйста, – Наташа предложила посетительнице удобное кресло. – Вам подать пепельницу?

– Да, спасибо... – В ее руках тотчас появились золотая зажигалка и сигареты «Вог». – Кто здесь у вас самый главный?

– Хозяйка агентства я, меня зовут Юлия Земцова. Я слу-

шаю вас...

– Юлия? Это хорошо, что без отчества. Я считаю, что все отчества нужно вообще упразднить, чтобы люди обращались друг к другу только по имени. Это бы омолодило нацию. Но вообще-то я приехала к вам, сами понимаете, заниматься не этой проблемой, а совершенно другой. Личной. Для начала я тоже представлюсь. Меня зовут Гел.

– Как?

– Гел, – коротко ответила она, и внезапно лицо ее осветила добрая улыбка. – Мое настоящее имя Галина, но с давних пор все друзья зовут меня просто Гел. Когда-то одна свинья решила, что я смогу участвовать в конкурсе красоты... Но это старая история... И если вам нетрудно, то зовите меня, как все, договорились?

– Очень красивое имя. Почти сценическое...

Гел в это время подумала, что сидящая перед ней бледная и хрупкая девушка довольно проницательна, что уже вселяло какую-то надежду. Хотя сама Гел всегда предпочитала иметь дело с мужчинами.

– Юлия, – доверительным тоном обратилась она к Земцовой, – у меня к вам просьба. Мне надо найти одного человека и собрать о нем максимум информации. Мне думается, что этот человек живет в Саратове, но я могу ошибаться.

Улыбчивость Гел была лишь игрой. И никто не знал, каких усилий ей стоило сдерживать дрожь во всем теле от животного страха перед обрушившимися на ее голову несча-

ствиями и предстоящей (в этом она нисколько не сомневалась) расплатой.

Два часа тому назад она еще была в аэропорту, а вот теперь сидит в кабинете частного детектива... Как же много всего произошло за это время!

Из аэропорта она сразу же помчалась к Михаилу Семеновичу. Долго звонила, а потом догадалась дотронуться до ручки... Когда дверь открылась, отпрянула, и ей показалось, что на нее кто-то смотрит из глубины квартиры. Она позвала Бахраха по имени, но ей никто не ответил. Но взгляд, нацеленный на нее, она все равно продолжала испытывать на себе. Пройдя несколько шагов, она снова позвала. И опять ей ответила тишина. Только тогда Гел что-то заподозрила. Уже сам факт того, что квартира такого человека, как Михаил Семенович, была не заперта, говорил сам за себя. Он никогда, ни при каких обстоятельствах не оставил бы квартиру открытой. У него одного антиквариата было на несколько миллионов...

В гостиной, как ни странно, все выглядело более-менее пристойно. То есть все на своих местах: горка с дорогой посудой, картины на стенах, безделушки на полках... И тогда она снова не выдержала и позвала его. Не получив ответа и на этот раз, открыла дверь спальни и увидела Бахраха лежащим на полу с открытым ртом... Ни крови, ни видимых признаков насильственной смерти, хотя он был мертв и все указывало на это...

Гел со свойственным ей хладнокровием опустилась над трупом и на всякий случай, для очистки совести, приложила ухо к груди человека, которого боялась больше всего на свете... Она еще не верила своему счастью. Тысячи фанфар проиграли победно-траурно-бравурный марш в честь смерти Михаила Семеновича Бахраха – самого nepoстижимогo из всех людей, которых она только знала. Неужели она теперь свободна? То, что Бахрах действовал один, было несомненно. И те люди, которых он посылал к ней для подписывания документов, были всего лишь статистами, нанятыми за гроши... И они ничего не знали. Загадкой оставалась роль, которая отводилась в этой истории тому красавчику с фотографии, которому она должна была, следуя жесткой инструкции, передать конверт. Сейчас, глядя на мертвое лицо Михаила Семеновича, Гел поймала себя на том, что ей страшно вскрывать конверт... А ведь как хочется! И тогда она решила сначала найти этого парня, все выяснить о нем, а уж потом подумать, вскрывать конверт или нет, отдавать ему в руки или оставить у себя... Но в конверте – на ощупь – был всего лишь небольшой листок. Не похоже, чтобы это был документ или, предположим, купюра...

Гел надела огромные черные очки и вышла из квартиры Бахраха, прихватив бутылку ледяной минеральной воды, которую нашла в холодильнике. Судя по содержимому холодильника, Михаил Семенович ждал гостей и припас по этому поводу три бутылки шампанского, два ананаса, перси-

ки, икру... Джентльменский набор, которым он в свое время угощал и ее перед тем, как... Окровавленные и успевшие подсохнуть простыни Бахрах потом сам, собственноручно сжигал за городом, в поле, а Гел ждала его в машине... И хотя тогда уже все было позади, и Гел чувствовала себя вполне сносно, перед глазами еще несколько дней стояло корытце с «железками», шприцы и ухмыляющееся лицо парня по имени Гамлет...

На лестнице она налетела на человека с фиолетовым родимым пятном на щеке, в руках он держал бумажный пакет, из которого при столкновении посыпались вишни...

– У вас есть его фотография? – услышала она сквозь толщу внезапно нахлынувших на нее воспоминаний. – Гел, вы меня слышите?

– Фотография? Да, конечно... Даже две, но одну я оставила у себя... – Она достала из сумочки заветную фотографию и протянула Земцовой. Затем выбила щелчком из пачки еще одну сигарету и затянулась. Она не заметила, как побледнела Юля, а потому продолжала спокойно рассматривать кончик сигареты, словно именно там сейчас и можно было увидеть перспективу дела, ради которого она сюда и пришла.

Юля же, глядя на фотографию, слышала терзающий ее слух голос, от которого все холодело внутри: *«Дерьмо... Кругом одно дерьмо. Ненавижу. Всех ненавижу. Страну, общество, вонючий ресторан, эту кровать и тебя, шлюху, нена-*

вижу...»

Несколько звонких гитарных аккордов, прозвучавших где-то внутри, глубоко, в погребах ее чувств и памяти, навели тоску по теплой Испании и зрелым оливкам...

С фотографии на нее смотрело лицо Дмитрия.

15. Желтый конверт

Игорь перед тем, как заехать за Земцовой в агентство, решил ей перезвонить. Взявшая трубку Наташа сказала, что у Юли клиентка, поэтому Шубин отправился в «Желтый дракон» один.

Несмотря на жару, в баре было прохладно. В первом зале работал кондиционер, а во втором – два огромных вентилятора. Сонные длинноногие девицы с голыми загорелыми коленями и плечами, забравшись на высокие табуреты, потягивали коктейли и пиво. Пахло жареным арахисом и табаком. Игорь подошел к бармену и заказал пива. И, только утолив жажду, спросил его, не знает ли он девушку по имени Рита.

– Да вон же она, в зеленом платье. Но ты, парень, только время зря потеряешь, она уже два дня как пьет.

– А что она пьет?

– Раньше только пиво, а теперь все, что нальют... Вроде парень ее бросил. Во всяком случае, она рассказывает об этом каждому встречному. И тебе расскажет...

Шубин отыскал взглядом тонкую длинную фигурку в зеленом, подошел и, положив девушке руку на плечо, спросил, не найдется ли у нее огня.

– Да я сама как огонь, – ответила она, показывая удивительно красивые зубы. – Тебе чего надо?

Игорь только сейчас понял, что стоит перед ней с зажженной сигаретой в руке.

– Вообще-то я хотел поговорить с тобой о твоём знакомом, который шрамы делает.

– На членах он не делает, сразу предупреждаю...

Он опешил.

– Неужели и такое заказывают?

– Заказывают, но он на половых органах не делает. Но учти, это довольно дорогое удовольствие. За шрам размером с сигаретную пачку тебе придется выложить от восьмидесяти до ста долларов. Ты потянешь? – девушка ухмыльнулась и посмотрела на Игоря добрыми пьяными глазами. В ней не было той агрессивности, которая так часто встречается у совсем молоденьких женщин. Рита, по-видимому, даже грустила с меланхоличной улыбкой на милом веснушчатом лице. *Грустная и красивая алкоголичка с прекрасными зубами и чудесной фигуркой.* Страшно было себе представить ее будущее...

– Я потяну. А ты не знаешь девушку по фамилии Уткина?

– Нет, никогда не слышала. А тебя как звать? – она, чуть склонив голову набок, разглядывала Игоря. – В тебе есть что-то такое... настоящее... Ты – хороший.

– Меня зовут Игорь. Ты тоже девчонка что надо.

– Игорь, а ты не мог бы угостить меня «Кампари»?

– «Кампари»?

– Ну на худой конец лимонной водкой... – протянула она

разочарованно, глядя, как Шубин ищет глазами меню. – Тогда я, быть может, скажу тебе его телефон...

– Одну лимонную водку, – сказал Игорь, обращаясь к бармену. – Говори телефон...

Она продиктовала, выпила залпом водку и, прикрыв рукой рот, икнула. Извинилась и тяжело вздохнула.

– Только он трубку не берет... – на ее глазах появились слезы. – Вот уже два дня.

– Бармен, сто граммов «Кампари» девушке.

Рита, всхлипывая, назвала ему адрес своего друга.

– Его зовут Гамлет, – сказала она, вытирая слезы и шмыгая носом. – И эта сволочь бросила меня. Поэтому, когда ты его увидишь, не забудь сказать, что ты от меня. Тогда он передаст через своих дружков положенные десять процентов. Не забудешь?

– Нет, не забуду... Хочешь, я отвезу тебя домой?

– «Кампари» – это класс! – Рита причмокнула языком. – А еще мне очень нравятся коктейли, которые здесь готовят. Особенно «Кровавая Мэри». Самый дешевый и бьет по шарам...

– Твоего друга на самом деле зовут Гамлет?

– Да, его так все зовут, и ему это имя ужасно нравится, но вообще-то он Омлетов. Григорий Омлетов. Он стыдится своей фамилии, говорит, что она какая-то несерьезная, яичная... – Рита пьяно захохотала и закатила глаза.

Игорь вышел из бара с тяжелым чувством. Ему почему-то

стало невыносимо жаль эту девушку.

Гамлет, он же Григорий Омлетов, жил неподалеку от Речного вокзала. Игорь обогнул Музейную площадь и покатил по улице Лермонтова прямо к причалу. Там, на набережной, он оставил машину, вошел в арку и оказался в тихом зеленом дворе. Нашел нужный подъезд, квартиру и позвонил. Он долго звонил, пока на шум не вышла соседка. Вытирая испачканные в муке руки о передник, смуглая жилистая женщина, с цыганскими глазами сказала:

– Нет его дома. Музыка не слышно, телевизор не надрывается, на лоджии что-то протухло и воняет. Его точно нет. Мух развел... Думаю, он где-нибудь за городом у приятелей жару пережидает. Так что не звоните, все равно никто не откроет.

– А вы откуда знаете, что на лоджии что-то протухло?

– Да потому что воняет ужасно...

– Вообще-то я из милиции, – Игорь показал свое фальшивое удостоверение следователя прокуратуры, которым довольно часто пользовался в подобных случаях, и с серьезным лицом объяснил ей, что ему во что бы то ни стало надо увидеться с Гамлетом.

– С кем? С Гамлетом? Я таких не знаю. Его Гришкой зовут, Григорием...

– А чем он занимается?

– Вы же милиция, сами должны знать, – усмехнулась женщина. – Может, вы что-то спутали и вам нужен вовсе и не

мой сосед?

– Да нет, именно Григорий Омлетов мне и нужен. Просто друзья зовут его Гамлетом. И чем занимается он, я тоже в курсе, да вот хотел у вас спросить, что вы о нем знаете.

Цыганское лицо напряглось, глаза сощурились: женщина явно ему не доверяла.

– Да ничего я о нем не знаю. Совсем.

– И даже то, что он врач? Или это большая тайна?

– Да, он врач. Работал в Заводском районе в поликлинике хирургом, я сама к нему внука возила, когда тот в песочнице стеклом порезался. Но он уже больше года как там не работает. А чем занимается, не знаю...

Шубин видел, что она хочет ему что-то сказать, но сдерживается. Словно боится чего-то.

– Скажите, у вас лоджии расположены рядом, иначе вы бы не заговорили о запахе? Я могу с вашей лоджии взглянуть на его лоджию?

– Нет, не можете. Я вас не пущу. Откуда мне знать, из милиции вы или нет. Я по телевизору смотрела передачу про криминал. Так там показали преступников, которые под видом милиции столько квартир ограбили, что вам и не снилось. А еще они останавливали машины на дороге, расстреливали пассажиров...

– Дело в том, что дурной запах, – перебил ее Игорь, – который вы почувствовали, еще не показатель того, что вашего соседа нет дома. Поэтому я хотел заглянуть с вашего балко-

на, то есть лоджии, чтобы определить...

– Сказала же, что не пушу вас в дом. И вообще, у меня тесто, некогда мне с вами разговаривать... – Но, даже заявив это, женщина продолжала стоять в нерешительности, машинально вытирая руки о передник, потому что любопытство оказалось сильнее ее страха.

– И часто с его лоджии идет дурной запах?

– Нет. Вообще-то он парень аккуратный, врач все-таки. Но, видать, недоглядел, оставил что-то там, что и скисло...

– Чтобы вам было не так страшно, вы пригласите еще несколько соседок, и я в присутствии их выйду на вашу лоджию. Надеюсь, я не похож на идиота, который собирается ограбить вас на глазах целой толпы свидетелей...

После его слов взгляд женщины смягчился. Но она все еще колебалась. Потом, пятась, подошла к другой двери и позвонила. Вышла еще одна соседка, постарше, погрузнее и посолиднее. Первая коротко объяснила ей суть.

– Ладно, пусть идет, а я постою рядом с телефоном. Если что, ори, я сразу же набираю милицию... – Женщины не шутили, они на самом деле весьма серьезно подошли к делу.

Усмехнувшись, Игорь двинулся за женщиной. Миновав полутемную переднюю и небольшую захламленную комнату, он вышел на забитую какими-то пыльными коробками и чемоданами лоджию, где сразу же почувствовал запах. Липкий, сладковато-ядовитый, мерзкий...

На этот раз он уже разрешения не спрашивал; протаранил

все ящики и ловко перелез на соседнюю лоджию. Он ожидал возмущенных окриков хозяйки, но ничего подобного не последовало, и он, постояв несколько секунд на лоджии Омлетова – сером бетонном пяточке, не оскверненном ни одной хозяйственной деталью, – нырнул через распахнутые двери в душное пространство комнаты.

Он не удивился, увидев на ковре мертвого мужчину. Запах разложения, который соседка почувствовала, находясь в своей квартире, свидетельствовал о том, что человек умер пару дней тому назад. На теле не имелось никаких внешних признаков насильственной смерти. Рядом с трупом лежал желтый конверт и ворох потрепанных сторублевок. Картина смерти молодого человека, довольно приятной наружности и при жизни, судя по всему, цветущего и сильного, подсказывала две версии случившегося. Либо Григорий Омлетов умер естественной смертью, причину которой можно будет узнать от судмедэксперта, либо парня каким-то образом убили, но убийца, по непонятным причинам, не взял деньги.

Достав из кармана телефон, он позвонил Корнилову и сообщил о страшной находке.

Следственная группа, которую возглавлял Виктор Львович Корнилов, приехала довольно скоро. Соседка опознала Омлетова, после чего ей стало плохо и пришлось вызвать «неотложку». Эксперт, осматривавший тело, строгим тоном приказал никому не прикасаться к рассыпанным по полу ку-

пюрам:

– Отравление. Он скорее всего пересчитывал деньги и дышал испарениями... Учитывая жару и то, что он мог слюной смачивать концы отравленных купюр... Видите белый порошок на дне конверта?

Руками в перчатках он аккуратно собрал все деньги в полиэтиленовый пакет, куда вложил и желтый конверт с лежащим в нем листком бумаги. Игорь даже не успел разглядеть рисунок на листке.

– А ты здесь как оказался? – спросил Игоря Корнилов. – Вы с Земцовой чуете трупный запах за версту... Кто это?

– Хирург, – коротко ответил Шубин. – Помните Катю Уткину? Так вот, не исключено, что тот шрам, который вы наверняка видели на ее ягодице, – работа вот этого человека – Григория Омлетова. А теперь давайте вместе думать, что могло связывать этих двух молодых людей, помимо ранней и трагической смерти...

16. Ночной звонок

Михаил Корнетов отдыхал в бане в обществе двух девушек и трех своих друзей из правительства. Закрытое заведение строго охранялось и было отгорожено от внешнего мира высоким бетонным забором.

Девушки были незнакомые, а потому мужчинам доставляло удовольствие видеть на их лицах некоторую растерянность и даже страх. Сначала все пили шампанское в баре, потом компания постепенно рассталась с одеждой и переместилась непосредственно в баню. Раскрасневшиеся мужчины хлестали друг друга березовыми вениками, охали, кричали, стонали, покряхтывали, подстегивая друг друга на то, чтобы подняться еще на ступень повыше, в самое пекло; девушки же, медленно тая на жару и покрываясь каплями пота, выглядели, словно овцы, которых привели на заклание. Это были две новенькие секретарши Корнетова – новоиспеченного генерального директора акционерного общества «Центрстрой». Одну из них звали Вера (кареглазая шатенка, стройная, длинноногая, с высокой грудью и плоским животом), другую – Виктория (пухленькая хорошенькая блондиночка, с огромными бирюзовыми глазами).

После бассейна с прохладной водой все снова переместились в бар, где тихий, пришибленного вида мужичок, аккуратно одетый и причесанный, накрывал стол: ледяное пиво,

рыба, мясо, водка... Этого человека звали Алексеем. Никто не мог вспомнить, когда он появился в бане и кто был первый, кому он прислуживал. Так случилось, что именно Алексей стал здесь, в этой закрытой бане, совершенно незаменимым человеком. Он отвечал буквально за все: за чистые полотенца, свежее постельное белье, продукты и выпивку, презервативы и безопасность в целом. Продукты он привозил на битой «шестерке», белье стирал сам, готовил сам и даже девушек после оргий тоже сам развозил по домам и раздавал им конверты с деньгами. И никто не знал, сколько девушек переночевало в его маленькой холостяцкой квартирке, где он приводил их в чувство после того, что им пришлось испытать под дикий гогот разгулявшихся «хозяев жизни». В его аптечке всегда имелись средство от похмелья, сердечные капли, успокоительные и даже сильные снотворные, без которых было невозможно уснуть и отдохнуть.

Корнетов – красивый, с неправильными чертами лица мужчина, поил всю компанию водкой и с благодарностью и чуть ли не со слезами на глазах принимал поздравления своих друзей, которые и помогли ему занять это удобное и сулившее ему колоссальные барыши престижное место. Эти же люди помогли ему и с кредитами. Остановка за малым: начинать строительство жилищного комплекса почти в самом центре города. С элитными, улучшенной планировки, квартирами, подземными гаражами и даже соляриями и зимними садами. Девушки тоже пили, но очень мало и по-

стоянно переглядывались, пытаясь найти сочувствие хотя бы друг у друга.

Они познакомились только сегодня, но, оказавшись в столь удивительном для первого рабочего дня месте, инстинктивно понимали, чем может закончиться для них этот вечер. У них не было возможности даже поговорить с глазу на глаз, потому что Корнетов распределил места за столом таким образом, чтобы каждая из девушек сидела между двумя мужчинами.

Михаил, который знал сценарий предстоящего развлечения наизусть, смотрел налитыми кровью глазами на худенькую Веру, представляя себе ее бледное и растерянное лицо, влажные от слез глаза, и от всего этого начинал заводить себя, наполняться, как винная чаша, самыми низменными желаниями. И тут вдруг он услышал, как один из его приятелей упомянул имя Женя. Речь шла о мужчине-телохранителе, но его мысли повернули совершенно в другую сторону, и он понял, что уже давно хочет увидеть женщину, которая носила это имя. Но только не для любви, а для какого-то более сильного чувства... Он вдруг захотел, чтобы здесь, среди этих деревенских дур, готовых на все ради работы, оказалась женщина-бунтарка, женщина-шок, которая сама бросила его, Корнетова, ушла от него, выплеснув ему в лицо все свое презрение, всю свою ненависть, всю свою любовь. Он знал, что Женя Рейс любила его, она долго ждала, когда же

он, наконец, разведется с женой и женится на ней. Но когда поняла, что все эти годы он лгал ей, пользуясь ее чувствами и не придавая им особого значения, то порвала с ним резко, неожиданно, хладнокровно. И вот именно этого Корнетов не смог ей простить. Он бы, может, и забыл ее и успокоился, если бы она ушла, как уходят тысячи женщин, оказавшиеся в подобной ситуации, – умытая слезами и бросая прощальные взгляды, полные сожаления... Но Женя Рейс ушла с гордо поднятой головой, свободная от всех прежних чувств, легкая и чистая, незапятнанная унижением. А ведь он до последней минуты был уверен в том, что эта красивая женщина, мимо которой спокойно не может пройти ни один мужчина, всегда будет принадлежать только ему.

Женя Рейс уходила от него в надежде найти приличное место и начать новую жизнь. И вот тут-то Корнетов использовал все свои связи, чтобы ни одна строительная контора в городе, ни один институт, ни одно заведение, где бы могла быть востребована талантливая Рейс, не приняли ее на работу. На его счастье, почти все крупные проектные и строительные организации города подчинялись одному и тому же влиятельному человеку, которому ничего не стоило одним звонком разрушить все планы и надежды одинокой молодой женщины. И Корнетов, напоив этого замминистра, рассказал ему душераздирающую историю любви, выставив самого себя в качестве жертвы. И мужчины поняли друг друга и даже обнялись, поклявшись в вечной дружбе, после чего и сотво-

рили свое черное дело по отношению к Рейс. И вот теперь, когда эта история оказалась почти забытой, ему захотелось увидеть Женю здесь, в его сегодняшней реальности, среди его друзей, за этим столом и тоже голую, как и эти две наивные дуры, полагавшие, что их обязанности секретарш ограничатся лишь канцелярией и варкой кофе. Но заманить сюда такую женщину, как Женя, было делом непростым. Но тем больше ему хотелось этого. И тогда он, предупредив друзей, что ему надо отлучиться на полчаса, оделся и поехал к Жене домой. Его вез Алексей. Всю дорогу мужчины не перебрались ни словом.

Корнетов догадался посмотреть на часы, только когда уже поднялся и позвонил. Было половина первого ночи.

Женя, которая с трудом уснула после тяжелого дня, омраченного смертью Михаила Семеновича, услышав ночной звонок, мгновенно проснулась. Мысль о том, что это пришли за ней, чтобы взять у нее показания, как у свидетельницы, а то и арестовать ее по подозрению в убийстве или причастности к смерти Бахраха, забила набат в ее сонной и больной голове. Она поднялась с постели и на цыпочках подошла к двери. Ее всю трясло.

– Кто там? – спросила она и замерла, ожидая услышать чужие, казенные голоса.

– Женя, это я, Михаил. Открой, прошу тебя... Я ушел от жены, я больше не могу, умоляю, прости меня... – пел серенаду Корнетов, в душе поражаясь собственной находчивости

и храбрости. Заявиться вот так, ночью, к своей бывшей любовнице и объяснить ей в любви... Лучшего плана, чтобы заманить ее за бетонный забор, и не придумаешь.

И Женя, услышав родной голос, распахнула дверь. Кинулась в объятия Корнетова и залилась слезами. Это были не слезы любви, как подумал ее бывший любовник, а слезы облегчения, но в тот момент это ничего не меняло.

– Женечка, ты моя хорошая, как же я соскучился по тебе, как же мне не хватало тебя все это время. Я не знаю, простишь ли ты меня, но с прошлой жизнью покончено. Мы с тобой заживем по-новому, счастливо. Поехали ко мне, я купил квартиру, и теперь нам никто не помешает...

Женя и до этого мечтала куда-нибудь уехать из квартиры, чтобы не трястись от страха, что ее вычислят и придут за ней, и все еще не до конца понимая, что происходит, дала себя увезти прямо в ночной рубашке, на которую накинула старый плащ. Заперла квартиру и, растворившись в объятиях мужчины, который какое-то время был для нее всем, вышла из дома, села в машину и поехала навстречу неизвестности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.